

ВЕТЕР МЕЧТЫ

MYSTIC & FICTION

ТАТЬЯНА ТРУНОВА

СТРЕМЛЯНКА
В НЕБО

Mystic&Fiction. Ветер мечты

Татьяна Трунова
Стремянка в небо

ИД «Флюид ФриФлай»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус) 6-4

Трунова Т. Ю.

Стремянка в небо / Т. Ю. Трунова — ИД «Флюид ФриФлай»,
2020 — (Mystic&Fiction. Ветер мечты)

ISBN 978-5-907220-15-7

Затерянная во владимирской глуши деревенька. Тихо, скучно. Привычно. «Господи, ничего же не происходит!» – взмолился однажды один из главных героев. И началось: геомагнитный разлом, встающие покойники, инопланетяне, специальный отдел ФСБ. Не зря говорят: «Бойтесь своих желаний, могут и исполниться». Вот и исполнились. Только ничего не бывает просто так, и все случившееся стало для главного героя катализатором для понимания не представимых раньше истин, да и себя самого тоже.

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус) 6-4

ISBN 978-5-907220-15-7

© Трунова Т. Ю., 2020

© ИД «Флюид ФриФлай», 2020

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	10
Глава третья	16
Глава четвертая	21
Глава пятая	27
Глава шестая	31
Глава седьмая	35
Глава восьмая	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Татьяна Трунова Стремянка в небо

Татьяна Трунова родилась в 1973 г. в г. Орехово-Зуево. В 1997 году окончила московский Университет культуры по специальности «Библиотекарь-библиограф универсального профиля». Имеет еще одно неоконченное высшее образование: 2007 г., Орехово-Зуевский пединститут, преподаватель английского и немецкого языков. Работает переводчиком в ЦАГИ. Замужем, есть сын.

© Татьяна Трунова, 2020

© ИД «Городец-Флюид», 2020

Сентябрь 2011 г. Кладбище

Сентябрьское солнышко приятно грело спину. В вершинах редких сосен гудел ветер, сильный и добродушный, как золотистый ретривер в роли собаки-поводыря. Галочка всего этого не замечала. Сгорбившись, она сидела на скамейке, и только губы женщины время от времени шептали: «Ну как же ты так, Васенька». Васенька, или Василий Андреевич Перфильев, хмуро смотрел на нее с фотографии памятной плиты. Внизу шли цифры «13/1/1974–20/IV/2010» и слова «Помним. Скорбим».

Налаженный быт, светлая дорога, по которой женщина шла в будущее, – как давно это было! Теперь жизнь казалась Гале темной, без единой светлой полосы. Все, что раньше являлось для нее смыслом существования, начало существовать как бы помимо ее воли. Появилось две Гали. Одна воспитывала двоих детей, работала, занималась домашним хозяйством, а вторая смотрела на это со стороны и удивлялась: ну зачем суетиться, если Васи больше нет?

Нельзя сказать, чтобы с Василием они жили душа в душу. Ругались часто, иногда не разговаривали месяцами. Камнем преткновения служили две вещи: свекровь и любовь мужа к рыбалке. И если свекровь можно было перетерпеть, то второе доводило Галю до трясушки. Ну скажите, разве это нормально, когда законные выходные муж вкушает не с женой и детьми, а с удочкой в руках? Ладно бы еще он возвращался домой, сгибаясь под тяжестью добычи, – нет, муж возвращался налегке, благоухающий грязными носками и перегаром.

Галя не так представляла себе счастливую семейную жизнь, поэтому, когда на пороге возникал возвратившийся с очередной рыбалки Василий, она принималась орать. Скандаль закончился одинаково: под аккомпанемент надрывных причитаний на тему «нормальные мужики по дому стараются, а мой шляется неизвестно где» муж хватал куртку и сбежал к маме, что только добавляло Галине ярости.

Возможно, скажете вы, Галочка вела себя не очень умно, но, по иронии судьбы, причиной смерти тридцатипятилетнего Василия стала именно обожаемая им рыбалка. Поздней ночью в избу семейства Перфильевых постучали. Приятели, с которыми муж уехал на озеро после очередного раунда скандала, пряча глаза, сообщили, что Васи больше нет. Он просто заснул в палатке и не проснулся. Сердце – чуть позже вынес вердикт патологоанатом. И вот уже год женщина почти ежедневно ходила на кладбище. Садилась на лавочку и принималась рассказывать мужу домашние новости. Галя не была сумасшедшей, просто так ей становилось легче, словно муж не умирал, а уехал в дальнюю командировку, но вот-вот вернется.

«До свидания, Васенька». Она взялась за ручки сумки и уже собиралась вставать, когда в привычной тишине кладбища, разбавленной лишь гулом ветра, ей послышалось нечто странное. В чем заключалась эта странность, Галя и сама понять не могла. То ли звук... то ли шевеление... Она недоуменно оглянулась по сторонам. Вроде все как обычно: сосны, могилы, пронзительное небо с пуховками облаков. Вздохнув, она кинула последний взгляд на памятник – и застыла. Памятная плита из мрамора раскачивалась. Раскачивалась так, будто из-под земли ее что-то выталкивает. Или кто-то. Вот памятник завибрировал, полетели ошметки дерна и рыжего песка... Этот кто-то явно желал прорваться наружу.

Галя тихо всхлинула, оседая на землю. Перед ее глазами замельтешила черная метель. Окружающий мир погас.

Глава первая

Вечерело. До первых звезд еще было далеко, но под деревьями уже начал скапливаться сумрак. Сентябрьский лес казался пустым и каким-то очень тихим. Эта всеобъемлющая тишина не нравилась крупной птице, она возилась в кроне сосны и недовольно вскрикивала. Мужчину, углядевшего во мху семейку подберезовиков, такие мелочи, как сумерки, не волновали. Он азартно подрезал толстенькие ножки грибов, внимательно осматривал идеально чистый, без червоточин, срез и кидал добычу в корзину. Однако темнота все-таки победила – мужчина разогнул спину и с сожалением оглядел не охваченные его вниманием уголья. «Ладно, хватит», – вздохнул Петя – а звали мужчину именно так – и покосился на стоящую рядом корзину. Грибная охота сегодня удалась: огромная плетеная емкость с приделанным для удобства переноски потертым ремнем наполнилась первосортными грибами. Сверху их уже присыпали сосновые иголки и бурый лесной мусор.

Он огляделся. Грибной азарт завел его далековато от основных тропок. Следовало потопиться, чтобы успеть выйти из леса до того, как все вокруг утонет во мраке, превратив ориентирование на местности в игру в жмурки, где к тому же нет возможности снять повязку и закричать «сдаюсь». Нельзя сказать, что Петя боялся леса. Будучи деревенским жителем, он чувствовал там себя вполне комфортно, заблудиться ему не грозило. Однако иногда на него накатывало. В такие моменты Пете казалось, что он без приглашения вошел в храм могущественных богов, где все вокруг дышит грозной, всесокрушающей силой. Возникавшее при этом желание драпать без оглядки удавалось подавить только волевым усилием.

«Бр-р, пора домой». Он немного стыдился своих фантазий, подозревая, что прабабушка не ошибалась, когда говорила: «Не читай много, с ума сойдешь!» Что поделать, читать Петя любил, и делал это запоем. Он с одинаковой страстью мог поглощать справочник автолюбителя и приключенческий роман, отчего в его голове хранилась куча самой разной информации. Обрывочной, но тут уж ничего не поделаешь. Если не брать во внимание любовь к чтению, во всем остальном Петя был совершенно нормален: ходил на работу, по сезону трудился в огороде, да и руки росли из нужного места. Соседи его очень уважали, а девки считали выгодным женихом. Еще бы не выгодным – не пьет и дом полная чаша. Одна беда: в свои тридцать восемь лет жениться Петя категорически отказывался, считая, что одного неудачного раза вполне достаточно. Имелся у него еще один недостаток – неоконченное высшее образование. Мешало оно ему спокойно жить. Иногда Петя думал:

математический факультет педагогического института города Орехово-Зуево, куда он смог поступить с первого раза, не напрягаясь, стал неправильной тропкой. Почему он не свернул с нее чуть раньше? Забрал бы документы еще с первого курса и поступил в ПТУ. Оно тоже дало бы неплохое образование, зато не было бы трех потерянных лет и неудачной по юности женитьбы.

Он ходко трусил по тропинке. Дома ждали макароны с жирной мясной подливкой. Их мама обещала приготовить как раз к вечеру. В животе урчало, висящая на плече корзина оттягивала плечо. Гастрономические мечтания жестоко прервал треск в кустах.

«Кабан!» – успела вспыхнуть в голове паническая мысль, когда через дорожку метнулась огромная черная тень. У тени были злые красные глазки, шерстистый животик и перепончатые крылья. По крайней мере, Пете так показалось. От неожиданности он осел на задницу. Затем осторожно огляделся. Тишина и ничего кроме тишины. Никаких подозрительных звуков, треска и других шумовых эффектов, сопровождающих обычно движение живых существ. Ничего. С чувством выматерившись, Петя поднялся. Слава богу, корзина не пострадала и выколупывать раскатившиеся грибы из лесной подстилки не пришлось. Остаток пути

он прошел быстрой пружинистой походкой, настороженно поглядывая по сторонам. Однако эта встреча оказалась единственной.

Уже дома, наворачивая вожделенные макароны с подливкой и парочкой котлет – покушать Петя тоже любил, – он поинтересовался:

– Слышь, мать, у нас в лесах крупные птицы водятся?

– Кобчик вроде, – неуверенно отозвалась мать от раковины. – А что?

– Да так. – Петя неопределенно помахал вилкой в воздухе. – Встретил тут одну. Красноглазую и шерстяную.

– Не-ет, это точно не кобчик. А шерсть-то тебе не привиделась?

В голосе матери явно слышалась насмешка, и Петя счел за благо тему сменить:

– Ты чего с грибами делать будешь? Может, на зиму?

– Нет, – не согласилась мать. – Лучше потушим. Со сметанкой. На зиму еще наберешь.

Петя поежился. Он не признавался себе, но встреча с таинственным существом его напугала. В лес больше не хотелось, грибной азарт как отрезало. Хотя, возможно, в этом были виноваты усталость, темнота и поднявшийся вдруг к ночи ветер.

– Ой, а что тут было! – вдруг оживилась мать.

– Опять Боря за Варькой по деревне с топором гонялся? – без особого интереса спросил Петя.

Боря и Варя жили по соседству напротив. Их очень любили деревенские кумушки, поскольку глава семьи, напившись, давал обильные темы для сплетен. Месяца два назад он в чем мать родила бегал по деревне, пытаясь стряхнуть с себя воображаемых насекомых, а судя по крикам, кроме насекомых его одолевали огромные крысы, которые кусали за пятки и обещали сгрызть печень.

– Нет, – покачала головой мать, ловко сортируя грибы и укладывая их в таз. Один подберезовик вызвал у нее сомнения, и она отложила его в сторону. – У Степаныча сердце прихватило. Еле откачали! Ужас!

– Надо же. – Петя искренне расстроился. Дед Степаныч не походил на большинство стариков. Он не вредничал, обладал здравыми суждениями и не пускался в нудные рассказы о том, как хорошо все жили при советской власти. Дети не раз уговаривали его переехать в город, но упрямый старик твердил, что где родился, там и доживать будет. К тому же куры, огородик. На кого оставить?

– Жена, говорят, к нему приходила, – таинственно понизив голос, сообщила мать. – Он после обеда вздремнуть лег. А и конечно, погода сегодня серая, отчего ж не вздремнуть? Только будто толкнуло его что-то. Открывает глаза, а в кресле Анна-покойница сидит и говорит ему: «Не бойся, я не за тобой. Тебе еще рано». Тут-то его кондрат и хватил, – закончила она.

– Что жена к нему приходила, он сам тебе рассказал? – ехидно поинтересовался Петя.

Мать подвоха не почуяла:

– Нет, соседка.

– Ну раз соседка, тогда да. Ладно, мать, ополоснусь и баиньки.

– Умирает деревня-то, – неожиданно сказала она.

Голос матери был серьезный, даже где-то торжественный. Таким тоном она обычно рассказывала, какие вещи приготовила «на гроб» и где оные вещи искать в случае ее неожиданной смерти. Петя терпеть не мог подобные приготовления, впрочем, как и сопровождающий их торжественный тон. Ему сразу хотелось сказать что-нибудь грубое или сбежать куда подальше. Обычно он срывался и ядовито спрашивал, не нужно ли ей заранее прикупить и гроб. А что, на чердаке места много, пусть стоит.

– Ты чего, мать? – полное брюхо настраивало на благодушный лад.

– Грустно мне, Петяша. Сегодня вдруг поняла, как у нас тихо. Помнишь, раньше вы с ребятами из одного конца в другой носились? То в казаки-разбойники играли, то в прятки, а то

затеете собак дразнить. Такой шум стоял – караул. Нет больше в деревне детей, одни старики остались.

– Да ладно тебе – нет! Вон у Федоровны пять штук по двору носится, никакого угомону.

– Так то дачники, а я про наших говорю, деревенских. Умирает деревня, – со вздохом повторила она.

Что на это ответить, Петя не знал, поэтому молча допил чай и отправился в баню ополаскиваться, пока его окончательно не разморило. Быстренько облившись, он дотащился до закутка, отделенного от горницы фанерной перегородкой, и рухнул на чистые простыни. Кровать громко скрипнула, принимая вес его тела. Глаза закрылись сами собой. Пете показалось, что он с огромной скоростью несется над землей. Мелькают кусты, земляничные прогалины, повороты тропинки. Нужно постараться не потерять сосредоточенность, иначе чудесный полет закончится. Дальше он не помнил, провалился в сон.

Глава вторая

Встал Петя затемно. Сентябрь хоть и стоит рядом с летом, но в средней полосе он демонстрирует все прелести глубокой осени. В шесть утра царит непроглядная темень. О том, что рассвет непременно наступит, напоминает лишь узкая полоска зари на востоке.

– Петя, вставай!

– Шас, мам, еще пять минуточек.

– Вставай, вставай! Никаких пяти минуточек. Царствие небесное проспичь!

Петя поднял брэнное тело с кровати и потащился на кухню, едва не цепляя углы спросонья. Там уже суетилась мать. Петю всегда изумляла эта ее способность вскакивать ни свет ни заря. Нет, он не имел привычки валяться в кровати до двенадцати, как изнеженные городские жители, но подъем в четыре утра считал излишне суровой практикой. Мать же объясняла свою утреннюю бодрость тем, что привыкла ухаживать за скотиной, – которой, к слову, у них давно уже не было, – и иначе не может.

На кухонном столе дымилась яичница и горкой высились вчерашние пирожки. Плотно подзакусив, Петя вышел из дома навстречу трудовым подвигам. Мгновенно его обняла сыроватая прохлада.

Путь Пети лежал на консервный заводик. Два километра по заброшенной дороге и где-то километр через лес. Он знал, что ему еще повезло. В родном Вышелесе работы не было, и возможность зарабатывать хоть какие-то деньги считалась крупной удачей. Большинство односельчан сдавали комнаты редким дачникам и промышляли продажей грибов и ягод. Тем и жили. Последнее занятие требовало от человека выносливости. Собрать лесные дары мало, нужно еще доставить их к покупателю. Такой зверь, как покупатель, водился только во Владимире. Тут выручали внуки соседки напротив – Клавдии Ильиничны. Будучи нежадными людьми, они захватывали в город не только любимую бабушку, но и ее соседей с корзинами.

Размышляя о житье односельчан, Петя не заметил, как оказался у околицы. Справа расстилалась дорога, лаково отблескивающая в свете надкусанной луны, а впереди возвышалась мрачная громада заброшенной церкви.

«А не сократить ли мне дорогу?» Идея Пете неожиданно понравилась. Он ничего не имел против долгих переходов, но иногда ему становилось скучно. От дома до околицы; по старой убитой дороге до шоссе; третий поворот на Гребеньково... – а там уже и до заводика рукой подать. Возможно, у него и не возникало бы желания изменить маршрут, если бы до деревни ходил автобус или имелась собственная машина. Тогда мелькающие за окном пейзажи приобрели бы статус фотообоев, на которые можно с ленцой смотреть или просто дремать в ожидании, когда тебя доставят на место. Транспорт типа «пешкарус» – дело другое. При медленном передвижении человек вольно или невольно вступает в контакт с окружающим миром. Честно говоря, Пете это успело поднадоесть. Он знал в лицо каждое дерево на обочине, каждую выбоину на дороге, а зубчатый излом дальнего леса мог нарисовать по памяти.

Альтернативой обрыдшей дороге являлась тропа мимо церкви. На самом деле осталось от нее только название. Все прочее представляло собой кучи щебня, давным-давно заплывшие дерном. Единственной целой постройкой можно было считать лишь само здание церкви с провалившейся колокольной. Внезапно проявлявшаяся в обрамлении толстенных берез, она производила неизгладимое впечатление. В детстве Петя церкви очень боялся. Про нее ходили самые невероятные байки. Говорили, что внутри заколоченного здания под самым потолком висит дубовый гроб на цепях, что по ночам оттуда слышится чей-то плач, что... В общем, много чего говорили. Церковь и вправду пугала, заставляла убыстрить шаг. Массивная кладка из рыжего кирпича словно пригибала прямоугольное строение к земле. Общая обшарпанность, заколоченные окна и провалившаяся колокольная не добавляли церкви очарования. При

взгляде на нее мыслей о боге не возникало. Наверное, в этом и заключалась главная жуть, заставлявшая людей сторониться заброшенного строения.

Потом, уже в отрочестве, церковь перестала нагонять на него жуть. Напротив, она вдруг стала очень интересным местом, где атаман разбойников Кудеяр зарыл клад, который становился видимым, если обойти церковь посолонь с цветущей веткой папоротника.

Покопались они тогда на развалинах влады. Клада, правда, не нашли. Наверное, потому что не взяли с собой цветущего папоротника.

Приняв решение, Петя зашагал по заросшей тропинке, на некотором расстоянии огибавшей церковь. Рассвет брал свое, и впереди теперь четко различались невысокие холмики старого погоста, на котором уже давно никого не хоронили. Тропинка вилась прямо через него.

Погост был действительно старым. При слове «старый», особенно если оно относится к кладбищу, сразу представляются старорежимные кресты или затянутые мхом и повиликой плиты. Увы, на этом погосте ничего такого не наблюдалось. Кресты давно сгнили, а гранитные плиты использовал на свои нужды кто-то очень хозяйственный. Сейчас могилы походили на кочки, только большие и заросшие травой. Если не знать, что под ними лежат кости, ничего и не заподозишь.

Половина кладбища осталась позади, когда Пете до щекотки в лопатках захотелось оглянуться. Лучше б он этого не делал. Увиденное заставило его окаменеть. Из ближайшей могилы сочился белесый пар. Сочился лениво и нагло, как будто дело происходило не будним осенним утром, а в глухую полночь, причем не в средней полосе, а где-нибудь в Трансильвании. Холодный воздух показался Пете раскаленным. Он разевал рот, не в силах ни вдохнуть, ни вытолкнуть его из легких. Пока он так стоял, струйка показалась из второй могилы, третьей, четвертой... Постепенно пар приобретал плотность, даже материальность, затем начал разбухать, чтобы через мгновение превратиться в туманное покрывало. Все происходило в полной тишине. Дальнейшее он помнил плохо. Включившийся инстинкт самосохранения бросил его вперед. Прокуренные легкие, побаливающая к непогоде спина – все забылось. Сердце весело и мощно перегоняло кровь, чтобы ноги – такой значимый, по мнению одного из важнейших инстинктов, орган – несли тело со скоростью призового скакуна.

В чувство Петю привели вид родного заводика под крышей веселенького синего цвета и хлещущие по лицу ветки ивняка.

– Какого черта? – недоуменно пробормотал он, чувствуя, как неприятно холодят ноги мокрые от росы джинсы, а пот, для разнообразия горячий, заливает глаза. Силы резко кончились. Петя даже упал бы, если бы не остаточный иррациональный страх, который до этого гнал его вперед. – Чего я так бежал-то?

Ответа не было, и, пожав плечами, он побрел навстречу рабочему дню. Цех встретил его теплом и привычным гулом конвейера. По ленте конвейера ползли банки с маринованными огурцами, их внимательно осматривали несколько женщин. Некондиционная продукция ловко выхватывалась с ползущей ленты и отправлялась в стоящие под ногами дощатые ящики.

– Привет трудягам! – помахал он рукой, проходя мимо них в раздевалку. Женщины кивнули, не переставая уделять внимание банкам. Кое-кто улыбнулся.

Раздевалка оказалась пустой, если не считать Андреича, мирно почивавшего на лавке. В воздухе витал могучий запах перегара.

– Опять нажрался. – Петя подергал Андреича за ногу. – Уволят ведь к чертовой матери. Где работу искать будешь?

– Грелся я, – неожиданно трезвым голосом поведал Андреич. – Утро холодное, замерз как собака, пока сюда добирался. До сих пор зуб на зуб не попадает.

Петя внимательно посмотрел на рот Андреича. Там торчало всего два зуба – сверху и снизу, причем один справа, а другой слева.

– Клоун, блин, – выругался он и посоветовал: – Иди спать в другое место, а то, если начальство тебя увидит, по головке не погладит.

– Иду, иду, – засуетился Андреич, проворно семеня своими кривыми ногами к выходу. – Пойду в котельню, там тепло.

Не успел Петя надеть спецовку, как в раздевалку пожаловало начальство. Заглядывало оно туда редко, поэтому его визит можно было расценить как доказательство того, что мысль имеет материальное воплощение, – другими словами, Петя накаркал. Слава богу, Андреич, по его ощущениям, давно успел дойти до «котельни». Аркадий Валерьевич, крепкий мужчина лет шестидесяти, как всегда смущенно улыбался, однако его взгляд мог дать фору любому рентгеновскому аппарату. А обоняние – нюху служебной собаки.

– Я не пил, – на всякий случай сообщил Петя.

– Знаю я, – вздохнуло начальство и поинтересовалось: – Андреич где?

– Понятия не имею, – соврал Петя.

– Увидишь, гони ко мне. Втык получать.

– Ладно, – согласился Петя и с нарочито деловым видом начал копаться в сумке. Однако Аркадий Валерьевич на провокацию не повелся и уходить не спешил. Вместо этого он изучающе уставился на парня.

– Что-то ты бледный, – озвучил он свои наблюдения.

– Приболел, – проворчал Петя. Посвящать кого бы то ни было в утренние перипетии он благо разумно не спешил – засмеют чего доброго.

– Чего тогда на работе делаешь? – Аркадий Валерьевич считал, что рабочий коллектив одна семья, и на благодеяния не скупился. Другое дело, отказываться от них не стоило – начальство страшно обижалось. – Иди домой, лечись. Хотя нет, лучше я тебя сам отвезу.

Он развернулся и, помахивая ключами, пошагал на выход. Идет ли за ним Петя, он проверять не стал. И так ясно, что идет. Во дворе Аркадий Валерьевич направился к аккуратным жигулям далеко не последнего года выпуска. Старая машинка нарядно поблескивала сливочными боками, и видно было, что ее холят и лелеют: обливают из шланга, проходятся мягкой тряпочкой, вытряхивают коврики, а по выходным даже перебирают мотор. Конечно, в компании с мужиками и пивом. При виде хозяина жигули приветливо гуднули и замигали фарами.

– Видал, – не преминул похвастаться Аркадий Валерьевич, – новую сигнализацию поставил.

«Зачем старой развалине сигнализация? – подумал Петя. – Угонять замучаешься». Однако предусмотрительно оставил свои мысли при себе. К тому же в лице Аркадия Васильевича проявилось столько нежности! Просто грех обижать человека.

Радоваться за других Петя умел.

– Дорого отдали? – осведомился он тоном знающего человека.

– В том-то и дело, что нет. Приятель по дешевке подогнал.

– Здорово! – Петя старательно обтер подошвы ботинок травой и полез в машину. Аркадий Валерьевич одобрительно за ним наблюдал. Сам он был человеком аккуратным и уважал эту черту в окружающих.

После недавних дождей дорогу развезло, поэтому ехать приходилось медленно. Аркадий Валерьевич огибал каждую выбоину: берег подвеску. Не отрывая глаз от дороги, он радовался выигрышу своей любимой команды. Петя деликатно подремывал, иногда вставляя нужные комментарии.

– А когда Кержаков с пенальти... – Аркадий Валерьевич завертел рулем, и жигули запрыгали уже по деревенской улице.

– Тебя до дому? – деловито осведомился он. – Куда именно? Показывай.

– Не-не-не, – очнулся Петя от анабиоза, вызванного теплом, сиденьем под задницей, запахом кокосового освежителя и звуковым фоном в виде рассказа, – мне в магазин надо.

– Ага, – кивнул Аркадий Валерьевич. Где находится магазин, он знал. Две минуты, и вот машина тормозит у неплохо сохранившегося дореволюционного здания. Здание имело два этажа – каменный и деревянный. Магазин располагался на первом, каменном этаже. На втором еще в советские времена находилась библиотека, сейчас закрытая.

– Ты вот что, – уже собравшись уезжать, сказала начальство, – на работу завтра не приходи, и послезавтра. В общем, отдохни денька три, что-то ты вправду бледный.

– А...

– В деньгах не потеряешь, не беспокойся. Ну ладно, бывай.

– Спасибо, – крикнул вслед машине Петя.

Аркадий Валерьевич, не оборачиваясь, кивнул.

Грязноватый зальчик пустовал. Продавцы, ввиду отсутствия народа, сидели в подсобке. Оттуда тянуло запахом чего-то вкусного и слышались обрывки веселого разговора. Прошла минута, две, три. Наконец Пете надоело рассматривать батареи бутылок, и он громко окликнул:

– Эй, девчонки, товар отпустите?

Разговор в подсобке стих. Из-за полуоткрытой двери выглянула рыжая продавщица Анька:

– Чего хотел?

– Какая водка у вас самая вкусная?

– Ты ж не пьешь? – удивилась Анька.

– Вот, решил начать, – отшутился он. – Так что посоветуешь?

Аня старательно задумалась. Мыслительная деятельность шла ей необыкновенно. Если не знать, о чем шла речь, можно было решить, что она размышляет о высоких материях, простым людям недоступных. Петя даже залюбовался девушкой. «Смыть боевую раскраску – цены бы ей не было», – мелькнуло у него в голове.

– Возьми «Пять озер», – наконец предложила Анька и тут же спохватилась: – Ой, нет, дорогая. «Зеленая марка» дешевле. Она вонючая, но качественная. Не отравишься.

– Гулять так гулять, – решил Петя. – Давай «Пять озер». Ну и закусочки какой-нибудь. Вон, сайру на полке вижу. Ага, и тушенку давай.

Он надеялся, что огурчики и квашеная капуста у Шотика Арменовича найдутся свои. Вообще-то подобные яства имелись в погребах у всех односельчан, но с Шотиком Арменовичем ничего нельзя было знать наверняка.

Тот жил в одноэтажном здании барачного типа. Такое имелось одно на все село, и проживали там сразу несколько семей. Каждая семья имела палисадничек, огороженный невысоким забором.

Петю всегда изумляло, насколько хорошо сад может передать отношение своих хозяев к жизни. У безалаберных, но веселых Петровых он зарос золотым шаром, который выплескивался аж через забор. Клумбы их соседки навевали скуку, несмотря на яркость красок высаженных там цветов. Надо ли говорить, что их владелица, Катерина Павловна, была редкостной занудой.

Лопухово-репейниковая плантация принадлежала Шотику Арменовичу.

Шотик Арменович появился в Вышелесе недавно, и двух лет не прошло. По национальности армянин, по-русски он говорил с заметным грузинским акцентом, и видно было, что человек он городской и образованный. Местные бабульки величали его по имени-отчеству, иногда ругали за пьянство, но жалели за несчастливую судьбу.

Родился, учился и женился Шотик Арменович в солнечном Тбилиси. Там бы он и продолжал жить, если бы не случился развал Советского Союза. Свет, газ исчезли словно по волшебству, зато во множестве появились лозунги. В разных вариациях они твердили одно: «Грузия для грузин». Нет, люди в Грузии остались прежними. Они искренне недоумевали, почему вдруг надо ненавидеть соседа только потому, что тот не грузин. Миазмы национализма ползли с

самого верха. Шотик Арменович, навсегда советский человек, испугался и решил внять недоброму намеку. Удачно сменив квартиру, он с малолетней дочерью очутился в спокойном Подмоскowie, где о бомбежках и слухом не слышали. Жизнь снова наладилась. Но ненадолго. Дочь выросла и превратилась в предприимчивую девицу, правда, излишне доверчивую и умную. Правильно говорил Грибоедов: «Все горе от ума». Классики не ошибаются. Девица жадно читала газеты с родины, которые твердили о Грузии, семимильными шагами приближающейся к правовому демократическому государству. Вообразив себе некий рай с молочными реками, кисельными берегами и свободным предпринимательством, девушка настояла на продаже подмосковной квартиры. Вырученные за нее деньги должны были составить стартовый капитал будущей успешной бизнесвумен. Шотик Арменович в изменения к лучшему не верил, но дочь любил, поэтому перечить ей не стал. Выговорив себе малую толику денег, старик осел в Вышеле, благо квартира в глухом углу Владимирской области стоила сущие копейки. Иногда он выпивал, но никогда не буянил, только становился мрачен и жаловался всем на непонимание и скуку.

Как известно, если на одном конце деревни чихнуть, то на другом тебе «будь здоров» скажут. Петя не раз слышал рассказы о чудном старике, но особо не прислушивался. Однажды в магазине они разговорились. Ничего не значащий разговор стал началом крепкой дружбы. На чем держалась эта дружба – фиг знает. Против нее было все: начиная от разницы в возрасте и кончая разницей в образовании. Легкость, с какой Шотик Арменович согласился на авантюру дочери, Петя считал безумием. В свою очередь, Петин принцип «все как у людей» и его наивная гордость новыми вещами вызывали у старика ядовитую усмешку. «Ты пойми, – убеждал он парня. – Нельзя жить, не поднимая глаза к звездам. Да, деньги вещь хорошая – они обеспечивают нам комфорт. Не более. Ты приземлен, а потому жалок. Гордишься еще одним купленным телевизором, копишь на машину... Тебе самому не скучно? Однажды, в конце жизни, ты скажешь себе: жизнь прошла, а я так и не жил. Но изменить будет ничего нельзя. Так и умрешь, мучаясь от осознания собственной никчемности».

«То-то, я смотрю, ты счастлив, – вертелось на языке у Пети, когда старик особенно его допекал. – То-то, я смотрю, тебе есть чем гордиться». Однако парень молчал. Ссориться из-за пустяков ему не хотелось. В конце концов, у каждого свои взгляды на жизнь.

Дверь квартиры, в которой жил старик, выделялась сильной ободранностью. Дерматиновая обивка, когда-то черная, превратилась в серую тряпицу с торчавшей кое-где ватой.

Петя легонько постучал.

– Входи, не заперто, – отозвался хриловатый голос хозяина.

Петя толкнул дверь и по темному коридору прошел на кухню, неожиданно яркую от бывшего в окно вечернего солнца. Шотик Арменович нашелся у плиты. Он сосредоточенно помещивал что-то в кипящей кастрюльке.

Пельмени из пакета – безошибочно определил Петя по мерзкому запаху.

– Чай будешь? – радушно обернулся старик.

Петя выразительно звякнул пакетом.

– О, – удивился тот. – Ты же не употребляешь?

– Достали вы меня сегодня. Не пьешь, не пьешь... Сегодня пью.

– Где-то у меня капуста была, – засуетился старик.

Разложив на столе немудреную закуску, он аккуратно разлил водку. Старческие пальцы еле заметно подрагивали.

Петю кольнула острая жалость. Он вдруг представил, как старик просыпается по утрам. Один, в грязной, пропахшей кислым табачным дымом квартире.

– Дочь-то хоть пишет? – вырвалось у него.

– Пишет. – Шотик Арменович залпом выпил содержимое своей рюмки, сморщился, подцепил на вилку сайру. – Нянькой работает в богатой семье.

И торопливо сменил тему:

– Ты просто так зашел или по делу?

– Даже не знаю, как сказать. Совет нужен.

– Рассказывай.

Путаясь и запинаясь, Петя изложил то, чему стал свидетелем. Чувствовал он себя удивительно глупо.

Шотик Арменович помолчал.

– Фиг знает, – честно признался он наконец и добавил: – Если бы я тебя не знал, подумал бы, что со страху привиделось. Или алкогольные пары в голову ударили.

К его чести, смеяться Шотик Арменович не стал.

– Хотя... – он затеребил бороду со следами потрепанной сайры. – Если отбросить в сторону предположение о мистической подоплеке события...

Петя покосился на него с уважением. Он никогда не умел так складно выражать свои мысли.

– В общем, бритва Оккама и никакого мошенства. Газ. Некоторые минералы испускают газ. Геологам это явление знакомо.

– Не было вас на кладбище, Шотик Арменович, – пробормотал Петя.

– Ну да, ну да, бродячие покойники, неупокоенные души и прочая ерундистика. Вынужден тебя огорчить, Петр, чудес не бывает. Всему можно найти объяснение.

Газ, всего лишь газ. Газ, выпускаемый минералами. А он-то, дурак, испугался. Он вспомнил ужас, охвативший его на погосте, и поежился. Затем ему стало обидно. Обида мешалась с разочарованием и каким-то чувством, понять которое Петя не мог. Наверное, дело было в том, что в свои тридцать восемь Петя верил в чудеса. Объяснение лишало его чуда, пусть даже такого пугающего.

– Стыдно верить в сказки, – качал головой старик. – Ладно, был бы ты каким-нибудь гуманитарием, прости господи. А то ведь математический почти закончил.

Тут он преувеличивал. Петя сбежал из института, закончив только три курса «преподавания физики и математики», о чем ни капли не жалел. Сам Шотик Арменович был технарем до мозга костей, норовящим лирику поверить физикой. Мистики он не признавал.

– Глупости вы говорите, – обиженно произнес Петя. Ему хотелось спорить, но аргументов не находилось. – Еще бы болотный газ вспомнили.

– А ты к уфологам загляни, – ехидно предложил Шотик Арменович. – Как раз их партия у нас в деревне на ночь задержалась. Они тебе много чего расскажут про крушение НЛО, инопланетные цивилизации и затонутие Атлантиды. Заодно сводишь их на кладбище дым посмотреть.

Помимо насмешки Петя усмотрел в предложении старика и рациональное зерно. Правда, озвучивать свое одобрение предусмотрительно не стал. Разговор перестал клеиться. Они выпили еще пару рюмок, вяло пообсуждали, как наши опозорились на Олимпиаде, и Петя поспешил откланяться.

Ему необходимо пообщаться с задержавшимися в деревне уфологами.

Глава третья

К тому времени, как Петя вышел от Шотика Арменовича, совершенно стемнело. Фонари не горели. Их роль выполняло звездное небо. Сентябрьские звезды, крупные и яркие, висели низко. В их рассеянном свете не было видно ни зги. Петя запрокинул голову и глубоко вздохнул. Воздух пах влажной пылью и увядшей зеленью. Где-то лаяли собаки.

В далеком детстве темнота очаровывала маленького Петю. В ясную погоду он дожидался, пока родители со старшим братом уснут, и мчался за околицу. Там он падал в мокрую от росы траву. Звезды смотрели на него, а он на них. Звезды были величественными, а Петя маленьким, но это не имело никакого значения. Между ними устанавливалась таинственная связь, где понятия «маленький – большой» просто не существовало. Петя был, и были звезды. Они улыбались друг другу и смотрели, смотрели, смотрели... Игра в гляделки приносила свои плоды. Через какое-то время мысли становились похожими на облака. Они медленно плыли по своим делам, нигде не задерживаясь. Затем звездная бездна начинала опускаться. Туда можно было нырнуть и падать среди звезд. Это падение-полет продолжалось бесконечно, но когда маленького Петю выдергивало обратно, вокруг оказывался все тот же темный луг, спящие дома да кромка ближнего леса.

Став взрослым, Петя перестал бегать за околицу. Может быть, стеснялся своего ребячества? Однако отблеск волшебства остался с ним навсегда. Иногда, когда Петя думал об этом, он представлялся ему огоньком теплого розового света. В самые беспросветные дни тот разгорался особенно ярко.

«Никогда ничего не происходит, – вдруг тоскливо подумал он. – Хоть тресни. Лучше уж дым из могил, чем так».

Петя представил, как воспримут его рассказ односельчане, и поморщился. Затем поморщился еще раз: после выпитого голова начала наливаться тупой болью. Выкинув непонятно откуда взявшуюся тоску, он зашагал домой.

К дому Петя подошел спустя пятнадцать минут. Открыв калитку, он моментально прижался спиной к забору. Из темноты на него летело чудовище с горящими зеленью глазами. Прыжок. Он покачнулся, принимая на себя вес мышчатого тела. Теплый слюнявый язык прошелся по его щекам. Раздалось радостное повизгивание.

– Уйди, Марс, я устал. – Петя легонько потрепал пса по тяжелой башке и несильно оттолкнул.

Пес вздохнул, укоризненно глянул на хозяина и потрусил в дом. Оттуда мгновенно раздался крик:

– Куда с грязными лапами? Слезай с дивана, ирод!

Петя улыбнулся: мать в своем репертуаре. Сначала балует собаку, подсовывает вкусные кусочки, а потом возмущается ее поведением.

По происхождению Марс являлся немецким овчаром. Взяли его в качестве охранной собаки, и, в принципе, возложенные на него надежды он оправдал. Приземистый, с широченной грудью и слегка треугольной мордой, Марс производил устрашающее впечатление. Если во дворе появлялся чужой, пес медленно выдвигался навстречу, сверля замершего от ужаса бедолагу взглядом. И никто не замечал, что в карих глазах под рыжими бровями горит хулиганский огонек. Овчар всего лишь развлекался.

Еще Марс обожал драки, в которых, кстати сказать, всегда побеждал. Сначала Петя пытался бороться с этой его страстью, но не преуспел и плюнул. Как ни странно, у соседей подобный вывих воспитания вызывал уважение. Они то и дело интересовались, нельзя ли купить от Марса щеночка.

В доме потрясающе пахло щами. Жирными, сваренными на свинине щами, куда не забыли положить в меру лаврового листа и немного перчика. Петя сладострастно потянул носом и, словно сомнамбула, двинулся на кухню, только слюна не свисала.

– Ты чего так рано? – удивилась мать.

– Чувствую себя плохо, – уже привычно соврал Петя. – Давление, наверное.

– Но ты отпросился? – забеспокоилась женщина.

Петя даже обиделся:

– Ты чего, мать? Нет бы спросить, как сынок себя чувствует. Может, я на последнем издыхании домой приполз?

– Наговоришь уж, – женщина замахнулась на него полотенцем. – Мой руки и садись за стол. Или так плохо, что и есть не будешь?

Последняя фраза была не лишена лукавства, поскольку на кухонном столе уже стояла полная яством тарелка с плавающей сверху заплаткой белейшей сметаны.

– Буду, буду, – успокоил ее Петя.

– Ну вот, а говоришь – на последнем издыхании.

– Вот поем и помру.

– Ешь уж, ворчалка. Слышал? – Матери, как всегда, не терпелось поделиться новостями: – Уфологи у нас заночевали.

Слово «уфологи» она произнесла с явным удовольствием.

– Да? – Петя старательно работал ложкой. Необходимость расспросов отпала – мать сама выдаст всю необходимую информацию. Чем она сейчас и занималась, не подозревая о мыслях сына.

– Ага. В болото, что за Гридиной пустошью, полезут. Говорят, там с библейских времен капище змеинобога Ура сохранилось. Вокруг него змеи на хвостах стоят. Сами золотые, а глаза рубиновые.

– Прямо-таки и золотые? – Петя не скрывал скептицизма. – А чего ж их раньше-то не сперли?

Мать сделала таинственное лицо:

– Не каждому капище покажется. Зачаровали его волхвы-язычники, а перед тем как насовсем уйти, наложили проклятие: кто с недобрыми намерениями к капищу подойдет, тот сам в змея превратится и всю жизнь в болоте ползать будет.

– Смелые люди эти уфологи.

– И я Варе то же самое сказала, – не заметила насмешки мать.

– Они что же, у тети Вари остановились? – небрежно спросил Петя.

– У нее. Какого-то приятеля дожидаться собираются. Дождутся – и прямо с утра в Гридину пустошь пойдут.

Все, нужная информация находилась у Пети в руках. Оставалось только придумать предлог, чтобы уйти из дома. В принципе, уйти можно было и без предлога, но Петя чувствовал смущение – тема, которую он собирался обсудить с уфологами, рядовой не являлась. Странной, смешной, неудобной – какой угодно, только не рядовой. Во всяком случае, с односельчанами Петя ее обсудить бы не рискнул. Она относилась к разряду деревенских страшилок. Их по вечерам рассказывают на завалинке внукам, завершая повествование словами «ну и страху я натерпелся». До старческого возраста было еще далеко, а совет требовался уже сейчас, поэтому заезжие чудики с крупным поселением тараканов в голове являлись самыми оптимальными в данной ситуации слушателями. Но смущение все равно никуда не девалось.

– Спасибо, мама, все было очень вкусно! – Петя покосился под стол, откуда уже высовывался жадно принюхивающийся черный нос, и сунул туда тарелку. – Пойду пройдуся. У Сереги баня уж очень хороша. Надо посмотреть. Мы же вроде собирались баню новую ставить?

– Сходи, сходи, – рассеяно напутствовала его мать. Она уже устроилась у телевизора, предвкушая просмотр любимого сериала. – Не забудь спросить, почему он брус брал.

Петя ее уже не услышал.

О том, что у тети Вари, как Петя называл женщину по старой детской привычке, гости, предупреждали голоса, выливавшиеся в открытую настежь форточку. Особенно выделялся чей-то солидный бас.

Петя решительно нажал пимпочку звонка. В ответ колыхнулись занавески ближайшего окна, выглянуло полное женское лицо. Спустя несколько минут по ту сторону двери заторопились шаги.

– Заходи, Петь, – пригласила тетя Варя. Полное лицо принадлежало именно ей. – Чего хотел?

– Э-э, – замялся он. Повод зайти Петя выдумал по дороге, но сейчас он совершенно вылетел у него из головы. – Мать за сахаром послала, – наконец нашелся он. – Забыла сегодня купить. Села чай пить, сунулась в сахарницу, а нету... Уж не откажи, – просительно добавил Петя.

– Дам, как не дать. Во что насыпать-то хоть есть?

– Забыл, – смутился Петя, пробираясь за хозяйкой по темным сеням.

– Ох, мужики, – заворчала тетя Варя. – Ничего не помнят. В стакан насыплю, только вернуть его не забудь.

– Верну, верну. – Сколько Петя себя помнил, женщина ворчала всегда.

Слева, у холодной террасы, высился Эверест из рюкзаков. Из некоторых торчало что-то длинное. Возможно, какие-то высокоточные приборы для ловли инопланетян, но Петя приглядываться не стал. Вслед за тетей Варей он аккуратно обогнул препятствие. Дверь скрипнула, пропуская их в горницу. Там находилось несколько парней, никак не старше двадцати пяти.

Они сидели за столом, носившим следы недавней трапезы. Прямо среди тарелок и чашек распластались карты, весьма подробные, как успел заметить Петя.

– Варвара Андреевна, – вскочил с табуретки тщедушный очкарик, – можно вас на минутку?

Подхватив под локоток подошедшую женщину, он увлек ее в угол, где завязалась оживленная беседа. Судя по некоторым фразам, очкарик предлагал за гостеприимство некую сумму, а Варвара Андреевна отказывалась. Не слишком уверенно.

– Эй, селянин, – окликнул Петю обладатель тяжелого баса. Кто-то из товарищей тут же дернул его за рубашку.

– Извини, иногда меня заносит, – глаза парня, то ли серые, то ли голубые, смотрели дружелюбно, без всякой насмешки.

Петя сразу же передумал обижаться.

– Меня Петром кличут, – решил проявить он инициативу. Его настроение резко пошло вверх – ситуация складывалась удачно.

– Очень приятно. Александр Юрьевич, – официально представился парень и тут же рассмеялся. – Но лучше просто Саша. Я хоть и глава этих раздолбаев, но считаю, что по имени-отчеству называть меня рановато.

Таким образом, знакомство, скрепленное крепким рукопожатием, состоялось. Чем Петя и поспешил воспользоваться.

– Куда направляетесь? – поинтересовался он, нахально усаживаясь за стол.

– В Гридину пустошь, – отозвалось сразу несколько голосов.

– Это километров семь отсюда, – прикинул он и предупредил: – Только с дороги не сходите. Вы же не местные, мало что. Не дай бог заблудитесь. – Затем самокритично вздохнул: – Да и местные, бывает, пропадают.

Александр оживился:

– Пропажи людей? Оптические эффекты? Может, техника глючит, связь?

Петя посмотрел на него с недоумением:

– В топи по пьяни меньше соваться надо, тогда не пропадешь. Насчет техники ничего не знаю, а вот компас, если зайти подальше в лес, глючит, да. Что до связи... Так, чай, не во Владимире живем. Вот там берет хорошо. У нас тоже ничего, но тут есть хитрость: места надо знать.

– Интересные у вас здесь места, – оживился Саша. Видно было, что человек он увлеченный и на любимую тему готов говорить часами. – И ведь не тайга какая, Владимирская область, где все исхожено вдоль и поперек! Мы в Шушмор собираемся. Слышал о таком?

– Шушмор, Шушмор... – задумался Петя. Что-то такое бултыхалось в мозгу, что-то знакомое. Парню казалось, что он вот-вот ухватит мысль, но никак не получалось. – Нет, – поняв безрезультатность попыток, сдался он.

Тон Александра Юрьевича или просто Саши сделался назидательным:

– Нельзя быть таким нелюбопытным. Аномальная зона, можно сказать, за порогом, а они даже не чешутся. Я бы на вашем месте...

– Ну ладно, ладно, что за Шушмор? – перебил его обличения Петя, предвкушая интересный рассказ.

– Примерно в пятнадцати километрах от деревни Гридина пустошь находится область дремучих лесов и трясиных болот. По протекающей там речке местность называется Шушмор. Эта дикая глушь еще двести лет назад была довольно обжитым местом, и все благодаря недалеко проходящему тракту, связывающему Коломну и Владимир. Вдоль тракта процветали трактиры, строились странноприимные дома, а деревушкам не было счету. Однако в двадцатых годах прошлого века дорогу проложили в другом месте, и Коломенский тракт захирел. Постепенно люди отсюда ушли. Сейчас там в основном торф добывают, да и то не в промышленных масштабах. ...Так бывает. – Саша пожал плечами. – Сколько подобных забытых богом мест на Руси? Но Шушмор – место далеко не простое. Много про него страшноватых легенд сложено. Здесь пропадают люди, встают часы, наблюдаются странные оптические эффекты... 1885 год! – повысил он голос.

Это было так неожиданно, что Петя подпрыгнул.

– С 1885 года на Коломенском тракте начали пропадать люди. И тому есть документальные подтверждения: крестьянин Перфильев подрядился за 850 рублей устроить на речке Ковихе земляную дамбу. Принимать его работу выехал член земской управы Курышкин. По дороге он пропал, а также пропали возчик и лошадь с телегой. Спустя два года исчезает целый обоз. И снова бесследно. В общей сложности до 1921 года таких исчезновений накопилось почти два десятка. Пропавших людей так и не нашли.

– Может, криминал? – предположил слушающий с интересом Петя.

– Правильный вопрос, – обрадовался Саша. – Одно время грешили на разбойничью шайку, промышлявшую там примерно тогда же, но промежуток времени слишком уж большой. Атаман шайки, некто Федор Туркин, прежде чем уйти в монастырь, занимался своим небогоугодным делом около трех лет, а люди пропадают и сто лет спустя. Возьмем, например, 1957 год. Исчезла целая группа туристов, и, что характерно, все ценные вещи остались на месте. ...И это еще цветочки, – поднял палец Саша. – По свидетельству очевидцев, в Шушморе есть мегалитическое сооружение. Что-то вроде английского Стоунхеджа, – пояснил он. – Кто его построил, когда, с какой целью – науке неизвестно. Видели его считанные счастливчики, поскольку добраться до него – а находится он в самом сердце трясин – далеко не каждому под

силу, а денег на серьезные экспедиции по нашему времени никто не даст. Но одним из счастливых, видевшим мегалит, был Александр Петрович Филлипенко, ваш, кстати, местный краевед. Он описывает его как каменный шар диаметром метра три; рядом с шаром находятся остатки каменных же столбов. В районе, где предположительно лежит мегалит, тоже происходит много необычного.

– И что это может быть? – любопытствовал Петя.

– Неизвестно, – развел руками его собеседник. – Нашей задачей максимум и является это выяснить.

– А минимумом?

– Найти сам мегалит или людей, которые его видели.

– Все равно не понимаю, – нахмурился Петя. – Сколько лет прошло, почему же ученые ничего так и не обнаружили?

– Я же говорю, болота, просто так не сунешься. Экспедиции, которые сюда приезжали, шли по пути наименьшего сопротивления: опрашивали местных, получали в ответ недоуменные взгляды, ставили галочку «не знают» и с чистой совестью уезжали. ...Странно только, что местные не знают, – помолчав, добавил он.

– Как раз не странно, – возразил Петя. – Может, камень тот давно в трясину ушел. К тому же случаи разные бывают. Было у меня однажды... – И он рассказал историю, как пять лет назад собирал клюкву и наткнулся на развалины какого-то древнего здания. – ...Лето жаркое случилось, трясина отступила, оно и показалось.

Никогда не забуду: тянусь за ягодой, поднимаю голову, а впереди развалины, жуткие такие, словно смотрят на меня. Сколько потом ни ходил там, ничего подобного больше не видел, – закончил рассказ он.

– М-да, богатая земля. Кто здесь только не плутал. Даже Батый со своим войском отметился.

Петя почувствовал себя увереннее. Уфологи оказались вполне нормальными ребятами. Обычно приезжающие в деревню горожане смотрят на сельских жителей сверху вниз, как будто жизнь в большом или не очень городе делает их лучше или умнее. Эти же городской пропиской не чванились. Интересные и дружелюбные, они знали о его родном крае такие вещи, о которых он, коренной житель, и не подозревал. На их фоне его история о белых дымах смотрелась бледно. Ерунда какая-то. И вот сейчас он об этой ерунде примется рассказывать. Стыдобища! Здесь и покруче вещи творятся! Одно капище чего стоит!

Идиллию прервала Варвара Андреевна, сунувшая в руки Пете позабытую цель прихода – стакан с песком.

Хотелось посидеть еще, но он давно выучил, что уходить надо вовремя. Перед ним находились, в общем-то, посторонние. С ними его связал только момент увлекательной беседы и приязни. Захлопнет он дверь, и их дороги разойдутся, о разговоре ребята и не вспомнят.

– Счастливы вам, – поднялся он со скрипнувшего табурета.

Ребята невнятно ответили, уже отвлекшись на что-то свое. Дверь хлопнула.

Глава четвертая

Петя видел кошмар. За ним гналась стая гигантских тараканов с металлически поблескивающими жалами. Вот он споткнулся, вскочил, но лавина коричневых тел накатывала, погребая его под собой. Петя ломал мерзкие суставчатые лапы, но все было бесполезно. В глазах потемнело... И тут он проснулся. Сердце отбивало сумасшедшую дробь, мокрое от пота тело увлажнило простыню до такого состояния, когда в голову закрадываются самые неприличные подозрения.

«Хорошо, что не обкакался», – мрачно подумал Петя, после того как схлынуло облегчение от осознания, что это ему лишь привиделось во сне.

Вставать почему-то не хотелось. Может, виной всему была гудящая голова, а может, серая мокреть за окном.

«Старею, вроде с Арменычем вчера немного выпили». Кряхтя, как старик, Петя поднялся... И едва не упал обратно. Ноги казались чугунными, перед глазами прыгали черные точки. Все же он пересилил себя. Встал и, старательно держась за стену, прошагал на кухню.

Чай, восхитительно горячий, сладкий, с кружком лимончика, размыл муть перед глазами и вернул окружающей действительности недостающую часть красок. Закончил дело бутерброд с колбасой. Жизнь налаживалась, правда, оставался вопрос, почему утро повернулось к Пете такой хреновой стороной. Петя хоть и исповедовал трезвость, но трезвенником не являлся и все тонкости похмелья знал досконально. Утреннее же состояние ни капельки не походило на интоксикацию организма вследствие излишнего употребления горячительных напитков. Скорее, на запредельную усталость на фоне плохой кормежки.

На улице заорали, и Петя поспешил наружу. Время на то, чтобы выглянуть в окно, он тратить не стал. А чего выглядывать? Единственной причиной воплей мог быть только Марс, терроризирующий очередную жертву, неосмотрительно сунувшуюся в незапертую калитку. Местные же тонкости визита к семейству Федоровых знали и всегда предварительно стучали. Когда он вывалился за дверь, первым ему в глаза бросился рюкзак. Высотой этак метра полтора, плотно набитый и тяжелый. К рюкзаку крепился тщедушный паренек лет двадцати пяти с редкими светлыми волосами. Именно его караулил пес. Марс порыкивал, демонстрируя влажные клыки и с интересом наблюдая, как цвет лица жертвы с просто бледного перетекает в откровенно зеленый.

– Марс, ко мне!

Энергичная вначале команда к концу прозвучала скомкано. И было почему. Парень, до этого стоявший замерев, вдруг легко, словно перышко, взвился вверх и сделал прыжок назад через двухметровый забор.

С рюкзаком за плечами! Сразу же за забором раздался звук, как будто уронили какой-то тяжелый, но мягкий предмет. Что-то зазвенело.

– Твою мать! – Петя осторожно выглянул за калитку, ожидая потока мата и обещаний разделаться с хозяином и его собакой самыми экзотическими способами. Марс безмятежно тусовался рядом – свою задачу он выполнил. Однако ругани не последовало. Парня больше занимал вопрос, как встать с земли или, по крайней мере, отцепиться от рюкзака.

– Фигасе ты прыгаешь! – Петя помог ему подняться, придиричиво оглядел на предмет вызванных приземлением повреждений. На первый взгляд тот выглядел целым, легкая взъерошенность не в счет. Выжидательно посмотрел в глаза – вдруг все-таки будет ругаться?

– Сам не знал, что так умею, – признался тот. Он тяжело дышал, но ругаться не спешил, и у Пети отлегло от сердца.

– Зайди, – предложил он, чувствуя, как его угрызает вина. – Передохни, а то вон какой рюкзачище тащил.

Было видно, что парень хочет согласиться, но его что-то смущает.

– Марс не кусается, – по-своему истолковал его сомнения Петя. – Просто хулиганит. А если боишься, так я пса уберу.

– Не надо, – парень постоял, что-то прикидывая в уме, затем присел, накинул лямки рюкзака на плечи, рывком поднялся. – С удовольствием приму приглашение. Веди.

Пока они пересекали двор, Марс провожал гостя многообещающим взглядом, затем фыркнул и с достоинством протрусил в будку.

– Меня Федором зовут. – Улыбка парня была мягкой, сразу становилось понятно, что ее обладатель – человек интеллигентный и симпатичный.

– Петр. Какими судьбами здесь?

– Группу догоняю. Они вчера у вас останавливались, обещали ждать здесь, в деревне.

– А, уфологи!

– Мы не уфологи, – поправил Федор. У Пети возникло ощущение, что тот почему-то обиделся. – Мы научно-исследовательское объединение, занимающееся аномальными явлениями.

– И в чем разница? – полюбопытствовал Петя.

– Уфология гоняется за НЛЮ, мы же исследуем малоизученные явления на границе науки. Именно там таятся самые перспективные открытия, которые могут послужить дальнейшему развитию человечества.

Он явно кого-то цитировал.

Петя разницы не заметил все равно, но смолчал. По его мнению, люди, занимающиеся поисками необычного, будь то камень или светящиеся объекты, должны быть готовы к тому, что все это проделки инопланетян. Впрочем, другая крайность тоже вредна. Знал он одного человека, тот любое проявление непознанного спешил объявить происками инопланетных сил.

– Морсу? – предложил он, когда они уселись за кухонный стол.

– Можно, – не стал отказываться Федор. Холодный морс с приятной клюквенной горчинкой он выпил с явным удовольствием. Петя сразу же налил еще.

– А то позавтракаем? Я, например, голодный, – соврал Петя. Неловкость за происшествие не проходила.

– Спасибо, но лучше не надо. Мне еще ребят догонять. Я и так припозднился.

– Ну, как хочешь.

Повисла неловкая пауза. Петя не относился к людям, счастливо заполняющим молчание светской болтовней, и, судя по всему, нарвался на такого же молчуна.

– Пойду я. – Федор снова влез в лямки своего чудовища и затопал к двери.

– Да, а ты чего заходил-то? – вспомнил Петя.

Парень хлопнул себя по лбу:

– Вот черт, совсем забыл! Я же дорогу хотел узнать!

– Так ты спрашивай, объясню, – предложил Петя. – Я же местный, все знаю.

– Ага, это хорошо. Мне в сторону Гридиной пустоши надо. Дорогу-то я, в принципе, знаю, я уточнить хотел...

– Ну, ну, – подбодрил его Петя.

Федор покопался в своем чудовищном рюкзаке и добыл оттуда потрепанную карту. На ней весьма подробно указывались местные населенные пункты, как существующие, так и прекратившие свое существование. Последние были отмечены веселеньким оранжевым цветом. Также, что поразило Петю, карта имела обозначения топей.

Вслух он выказывать удивление не стал.

– Смотри, – повел Федор пальцем по коричневой жилке дороги, – мне где лучше свернуть – здесь или здесь?

Петя вгляделся. Извилистые жилки, сходящиеся на оранжевом кружочке, имели одинаковую длину и мало чем друг от друга отличались. Кроме одного: в реальности существовала только одна из них.

– Сюда, – ткнул пальцем Петя и пояснил: – Другой дороги все равно нету. Привирает твоя карта.

– Да, – огорчился Федор. – Значит, ею пользоваться нельзя?

– Почему же нельзя? Просто осторожнее надо, вот и все. Особенно где дело касается топей.

Федор знобко передернулся и провел рукой по глазам.

– Ты чего? – встревожился Петя.

– Так... Ерунда какая-то привиделась.

– Так, может, не пойдешь никуда, отдохнешь?

– Нет, надо идти. Спасибо тебе за все. – И вскинул свою огромную ношу на плечи, затопился за калитку.

С уходом гостя делать стало совершенно нечего. Нет, Петя мог использовать выпавший выходной с толком, ибо, как известно, мало дел в деревне не бывает. Но ему не хотелось. Недавнее недомогание сказалось свинцовой истомой, внушавшей отвращение к любой работе. Петя вздохнул и решил избрать компромисс: перебрать яблоки. Лучше всего это делалось во дворе. Выглянувшее солнышко приятно грело, полные корзины издавали сладкий аромат. Петя улыбнулся. И солнце, и яблоки вдруг показались ему исполненными глубокого смысла. В них ощущалась жизненная энергия, делающая окружающий мир теплым и осмысленным. Еще чуть-чуть – и можно будет понять полет бабочки и прочитать буквы облаков. Он улыбнулся еще раз и запустил руку в корзину. Каждое яблоко требовалось осмотреть на предмет червоточин, подгнивших бочков и прочих отметин. Некондиция предназначалась на варенье, абсолютно целым плодам предстояло стать зимним запасом живых витаминов. Петя даже прижмурился, представив, какое замечательно варенье сварит мама. Душистое, припахивающее апельсинами. Ибо какое яблочное варенье обходится без апельсинов? Благодаря им лакомство становится прозрачно-янтарным, приобретает чуть терпкий вкус. То что надо.

Воображение работать совершенно не мешало. Наоборот, Петя даже увлекся. Видимо, поэтому он не сразу заметил, что за ним наблюдает Степаныч, тот самый дед, к которому являлась покойница-жена.

– Бог в помощь!

– Спасибо, – откликнулся Петя. Ему совершенно не понравилось, как выглядит старик. Он казался серым и каким-то сдувшимся.

– Вы бы полежали, – сочувственно посоветовал он.

– Спал я плохо, – пожаловался Степаныч. – Встал как спохмела. До сих пор голова кружится.

– Кошмары не снились? – словно по наитию, спросил Петя.

– Ты откуда знаешь? – прищурился старик.

– Сам всю ночь от тараканов бегал. Здоровых таких.

– Экология сейчас плохая, – глубокомысленно изрек Степаныч. – А все ученые. Летают и летают в космос, вот и навертели в небе дырок. Натворили делов, а мы отдуваемся. Вот скажи, зачем им это надо?

– Ну, научно-технический прогресс... – опешил Петя. Иногда Степаныч высказывал весьма оригинальные суждения.

– Тебе это надо? Мне это надо? Как сидели в жопе, так и сидим. Пойду правда поваляюсь, – неожиданно закончил старик.

«Ответственность ученых перед обществом», – всплыла в голове у Пети фраза, вычитанная в какой-то газете. При чем здесь она? Он разозлился и с удвоенным рвением продолжил работу. Однако настрой уже прошел.

– А не пойти ли мне тоже полежать? – Я блоки больше не вызывали у Пети трудового энтузиазма, к тому же неперебранной осталась только одна корзина, а она могла подождать и до завтра. Оттащив все обратно в сени, он прошел в горницу, полюбовался свежкупленным телевизором с плоским экраном. Сорок два дюйма, красота! Включил его и хлопнулся на диван. На экране представительный мужчина вещал о тонкостях экономики. Его заумные фразы подействовали на Петю не хуже снотворного, и он незаметно задремал. Сны Петю не беспокоили, если не считать какого-то назойливого жужжания и лая. Ему понадобилось целых десять минут, чтобы понять, что жужжание является дверным звонком, а лает – Марс.

– Кому там неймется? – с трудом разлепил глаза он.

Ненавистный шум стихать не подумал.

– Иду, иду, – пробормотал Петя, жалея, что матери нет дома. Наверняка ведь решила заглянуть одна из ее подружек. – Ну чего трезвонить-то... – начал он и осекся. За забором стоял Федор собственной персоной, только подрастерявший всю свою улыбочивую мягкость. От него так и веяло тревогой.

– Ребята пропали! – выпалил он.

– В смысле – пропали? – не понял Петя. После сна в голове плавала тяжелая муть, избавиться от которой никак не удавалось.

– Совсем пропали. – В голосе Феди звучало отчаяние. – Только рюкзаки остались.

– Так, спокойно. Сейчас мы войдем в дом, сядем, нальем чаю, и ты мне все-все расскажешь.

– Какой чай! Надо бежать, что-то делать...

Дальше Петя слушать не стал. Он ухватил парня за локоть и подтолкнул по направлению к дому.

– Сначала чай.

Нервы этот напиток лечил замечательно, по крайней мере, так утверждала мама, а маме Петя верил. Уже в кухне, за столом, Федя немного успокоился. Ломающая его тревога переселилась в руки, теребящие край скатерти, да в голосе прорывалось дребезжание, когда он рассказывал то, чему стал свидетелем.

– Я по дороге шел, – говорил он. – Торопился, по сторонам особо не пялился. И так ведь опоздал. Дорога у вас ужасная, еще радовался, что сапоги резиновые догадался надеть.

Дорогу он живописал долго и пространно, в ней уместился и пышный хвост папоротника-орляка, примостившийся у промоины, и лезущая в глаза паутина и даже крупная стрекоза. Петя его не перебивал, знал, что испуганному человеку надо дать выговориться, тогда ему полегчает. В то, что случилось нечто действительно ужасное, он не верил, про себя полагая, что изнеженные горожане, несмотря на солидное название «экспедиция», заблудились в трех соснах и к вечеру обязательно доберутся до Гридиной пустоши или еще куда. К тому же нужно обладать особым талантом, чтобы с более-менее нахоженной дороги с сетью мелких тропинок по бокам забуриться в топи.

– ...Там еще ямина здоровая, прямо посередине, – продолжал пространно объяснять Федор. – Я ее обходить стал и немного заблудился...

Худшие предположения Пети об изнеженных горожанах и трех соснах начинали сбываться. Он уже совершенно расслабился и только сочувственно кивал, когда его гость добрался до сути:

– ...Смотрю, на прогалине рюкзаки стоят, а никого не видно. Я сначала обрадовался, скинул свой, стою жду.

Минут пятнадцать ждал, покурил, отлить успел – никого. Потом кричать стал, мол, ребята, хватит прикалываться, не смешно. Думал, шутят они так по-дурачки, – пояснил он. – В общем, часа два я там провел. Пробовал названивать на мобильники, а в ответ – «абонент временно недоступен».

– Может, отошли куда? – неуверенно предположил Петя.

– Ага, и мобильники там же оставили, вместе с часами и одеждой?

– Погоди, так они и одежду оставили?

– Ну а я о чем говорю!

– Об этом ты точно не говорил!

– Значит, говорю сейчас!

Улыбаться Пете резко расхотелось. Ситуация больше не тянула на забавные приключения горожан в лесу. Она уже пугала, мало того, требовала немедленных действий.

Проклиная про себя многословность парня и собственное самодовольство – а иначе откуда взялось спокойствие и нутряное желание послушать, что накосячили глупые горожане? – Петя вскочил:

– Пойдем.

Федор немедленно вскочил с табурета вслед за ним и, ничего не спрашивая, устремился к двери.

– Хоть обуться-то дай, – проворчал Петя, всовывая ноги в кроссовки и путаясь в шнурах.

На улице заметно стемнело.

– Куда мы?

– К участковому, куда же еще. 911 у нас еще не ввели. – Петя нервничал, оттого и грубил. Однако Федор не обиделся.

– А-а, – протянул он и замолчал, только напряженно сопел. Его волосы растрепались еще больше, чем раньше. Прямо сказать, они стояли торчком.

Участковый Сергей Иванович жил в соседней деревне. Неблизкий свет, если дело касается правопорядка. Но жители Вышелеса давно привыкли обходиться без власти. Преступлений, достойных Петровки, там не случалось, а с буянами жители справлялись своими силами. Да и буянил-то народ, исключительно перепив спиртного, что вызывало если и не одобрение, то понимание точно.

Местному стражу правопорядка исполнилось всего двадцать семь. Был он щекаст, русоволос и смотрел на мир василькового оттенка глазами. Однако ж молодость и не совсем брутальная внешность его работе не вредила. Не по годам ответственный и рассудительный, он пользовался среди населения уважением, отчего и звали его полным именем-отчеством – Сергей Иванович.

До деревни, где жил участковый, они добрались быстро, хотя к тому времени темнота основательно пропитала воздух, не оставив на западе даже закатной полоски, которая обычно горит долго. Впрочем, время еще было не поздним. А если и поздним, то в их ситуации это ничего не меняло.

Звонок Петя искать не стал, попросту забарабанив в шершавые от рассохшейся краски доски забора. За забором последовательно раздались: визгливый лай, грохот цепи, шаги и звонкий голос, вопросивший:

– Кого там еще черти несут?

– Меня, Сергей Иванович.

Надо отдать участковому должное, дверь он открыл без проволочек, попутно цыкнув на владелицу визгливого лая. Лай мгновенно умолк.

– Что случилось? Пожар? Враги?

В голосе участкового чувствовалось некоторое раздражение. Причина раздражения стала понятна чуть погодя, когда рядом, скромно опустив глазки, нарисовалась девушка. Присмотревшись, Петя узнал рыжую продавщицу Аньку и искренне порадовался за Сергея Ивановича. К Аньке тот дышал неровно давно, но кокетка не обращала на парня никакого внимания. Или делала вид. И вот теперь дело, видимо, пошло на лад.

– Хуже, Иваныч. Экспедиция пропала.

Все признаки раздражения исчезли с лица участкового, оно даже вытянулось, потеряв привычную округлость.

– Проходите, – отрывисто произнес он и посторонился, пропуская гостей.

Рассказ много времени не занял. В отличие от Федора, Петя излагал события коротко и по существу. Участковый, слушая, смурнел все больше и больше. Иногда он обращался к Федору за подробностями, тот готовно отвечал, иногда запинался, подыскивая точные слова. Растекаться мыслию по древу парень не пытался, видно, подуспокоился, да и не забалуешь у Сергея-то Ивановича. Умеет он со свидетелями разговаривать, сразу вспомнишь все нужное, не отвлекаясь на постороннее.

– Завтра с утра собираем мужиков и прочесываем лес, – наконец вынес он вердикт.

– Но как же... – попытался возразить Федор.

– А смысл искать сейчас? – понял его Сергей Иванович. – Темно.

– Ой, что творится! В болоте потопли, бедные! – прижала ладони к щекам Анька. Она давно сидела и слушала, самым незаметным образом ухитрившись присоединиться к компании. От любопытства у нее даже рот приоткрылся. Неудачнее высказаться было нельзя. В менее толерантном обществе за такую реплику человека вежливо попросили бы выйти за дверь – ну или не очень вежливо. Однако здесь карательные меры ограничились недовольными взглядами.

– Только развиднеется, пойдем, – решил участковый. – Я пока по домам пройду, мужиков соберу. Со мной пойдете? – посмотрел на ребят он.

– Нет, – отказался Петя. Федор снова попытался возразить и снова запнулся.

– Мы у себя народ соберем, – закончил Петя.

Так и порешили. Сергей Иванович поспешно начал собираться. В качестве форменного мундира он прихватил только фуражку. Удивительно, но с джинсами и камуфлом она смотрелась вполне органично. Анька с горящими от любопытства глазами увязалась за ним. Гости тоже не стали задерживаться.

Обратно шли молча, говорить не хотелось, да и не поговоришь особо, когда все внимание уделяется исключительно лужам и ямам под ногами. Лишь у деревни Федя открыл рот, но лучше бы он этого не делал, поскольку сказанное не добавило хорошего настроения, а, наоборот, сгустило тревогу до почти физической субстанции.

– Тысяча девятьсот пятьдесят седьмой год, – замогильным голосом произнес он. – На маршруте по вашим местам пропала группа туристов. Никто из них так и не был найден. Там, где они останавливались в последний раз, остались все ценные вещи, включая фотоаппараты и коронки из желтого металла.

По листьям зашлепал дождь. Петя промолчал.

Глава пятая

Петя еще не видел последнего привала туристов и в бледных потемках совсем еще раннего утра смотрел на него с интересом. Сзади кто-то засопел. Покосившись за плечо, он обнаружил одного из односельчан. Тот, словно гусак, вытянул шею и во все глаза таращился туда же, куда и Петя. Ему даже показалось, что любопытный односельчанин вот-вот потеряет равновесие и упадет.

Мысль, что он выглядит точно так же, удовольствия не принесла, и Петя принял отсутствующе озабоченный вид: мол, за туристов он беспокоится, но не видит здесь ничего необычного. Смотреть и впрямь было не на что. Ну рюкзаки, потемневшие от росы, ну скатки палаток, подумаешь! Сразу внимание привлекали лишь кучки тряпок и кинокамеры в количестве трех штук, небрежно валявшиеся в траве. Каким же надо быть распустехой, чтобы так бросать дорогую технику! Кучки тряпок – Петя насчитал их ровно двенадцать – располагались на разном расстоянии друг от друга, но не больше трех метров. Приглядевшись, он заметил среди них поблескивающие часы и несколько нательных крестов. Вот тогда ему и стало плохо. Если поднапрячь воображение, то вполне можно представить на их месте людей. Люди стояли, двигались, разговаривали – а потом раз, и осталась от них только одежда. Видимо, хорошим воображением отличался не один Петя, потому что рядом заохали, закрестились, кое-кто забормотал молитвы. Он и не подозревал, что среди односельчан такое количество набожных людей. Впрочем, сейчас Пете было не до этого.

– Ну что, идем цепью? – пробормотал участковый – зрелище произвело впечатление и на него, – откашлялся и уже более уверенно продолжил: – Скоро приедут опера – проводить следственные мероприятия. К месту происшествия никому не подходить, а то, не дай Бог, улики затопчете своими ножищами. ...Старайтесь держаться ближе друг к другу. Не забывайте перекликиваться, – предупредил он.

Мужики вразной закивали и решительно таранили кусты.

«Эге-гей!.. Отзовись!.. Есть кто живой?..» – раздалась перекличка. Она становилась все глуше и глуше, затем смолкла совсем.

– А ты чего стоишь?

Петя очнулся от созерцания рюкзаков и торопливо рванул в лес, оглашая его криками. Мужики уже исчезли из виду, но это его не беспокоило – он тоже был местным, а значит, заблудиться ему не грозило. Мало-помалу лесная подстилка сменилась черничными угодами с редкими проплешинами мха и веерами рыжего папоротника. Ничего не происходило, лес выглядел пустым, как и подобает приличному сентябрьскому лесу, однако Петя не расслаблялся, бдительно оглядывая окрестности. Под ноги он не смотрел, и, как показали дальнейшие события, совершенно зря. Он не заметил, как редкие проплешины мха слились в единое покрывало, закурчавились и приобрели интенсивно зеленый цвет. Опомнился Петя только тогда, когда странный яркий мох поднялся почти по щиколотки. Петя удивился такому чуду и присел на корточки, во все глаза рассматривая необычное явление – подобного мха в здешних лесах он никогда не видел. Да еще в таком количестве!

Однако ботанические изыскания и поиск людей не совсем сочетаются друг с другом. Поэтому Петя встал, внимательно огляделся. Тут-то его и проняло: он совершенно не узнавал леса, который еще с детства исходил вдоль и поперек. Повсюду, куда только дотягивался взгляд, рос тот самый ярко-зеленый мох, разбавленный папоротником в два человеческих роста. Дополняли нереальную картину невысокие березки с квадратными стволами. Петя почувствовал, как по его спине побежали мурашки, крупные, как первые капли летнего ливня. И такие же холодные. Да и кто бы остался спокоен, если вокруг происходят чудные изменения. Почему-то Петю особенно впечатлили квадратные березки. Накативший вслед за этим ужас влил в тело

энергию и заставил бежать, не разбирая дороги. Этого делать не стоило, поскольку уже через несколько шагов мох поднялся по пояс, хватая за ремень своими зелеными пальцами. Совсем близко зазвучали голоса. Они перекликались, звали друг друга, в них слышались те же самые страх и растерянность, что заставили бежать Петю. Еще немного, и Петин голос присоединился бы к их хору. К счастью, парень оказался крепче, чем ожидал сам. С трудом задавив панику, он заставил себя мыслить здраво. Остановился. Огляделся еще раз. Вроде в той стороне мох пониже... Значит, туда... И, как оказалось, не прогадал: буквально через несколько минут проявились привычные черничники. Петя обрадовался им как родным. Рванув в их направлении, он споткнулся и... Вокруг снова стоял до боли привычный лес.

«Привидится же!» – пробормотал он. Дыхание рвалось хриплыми вздохами, в ушах стучало. На всякий случай Петя отбежал подальше и только тогда плюхнулся на пятую точку, привалившись спиной к нормальной, круглой – он специально проверил! – березе и зашарил в кармане в поисках сигарет. Курить хотелось смертельно. В чувство его привела только пятая затяжка. Однако всласть покурить было не судьба. Из-за деревьев вывалилась толпа агрессивно, как ему показалась, настроенного народа. Они все что-то одновременно кричали, размахивали руками. Среди них Петя заметил несколько мужчин в форме спасателей с остроухой псиной на длиннющем поводке. Собака виляла хвостом и укоризненно смотрела на Петю.

– Вы чего? – только и смог выговорить он.

– Того, – передразнил его один из спасателей, мужчина с седым ежиком волос и цепким взглядом серых глаз. – Мы тебя пять часов искали. Тоже мне, местный житель!

– Сколько-сколько часов? – слабо переспросил Петя. Голова у него закружилась.

Все наперебой принялись объяснять. Из сумбурного рассказа вырисовывалось следующее.

Петя ушел на поиски туристов и пропал сам. Хватились его не сразу. Никого не удивило, что мобильный парня упорно талдычит на двух языках «абонент временно недоступен», – такое во владимирских лесах не редкость. Но вот когда он не появился на контрольный сбор, да с учетом пропавших туристов... Тогда все встали на уши, и часть людей принялась искать персонально Петю. А тот словно испарился в воздухе.

– Меня же всего полчаса не было, – стек он спиной по березе.

– Потом расскажешь. Идти-то можешь? – сочувственно поинтересовался все тот же спасатель. Он больше не казался рассерженным, и даже его стальной ежик плотно прилег к черепу.

– Могу, – соврал Петя. Парню совершенно не улыбалось с помпой въехать в деревню на носилках. Подколов потом не оберешься, спустя пятьдесят лет и то вспоминать будут. С другой стороны, место в местной истории ему уже обеспечено. О репутации можно не беспокоиться.

– Туристов нашли? – поинтересовался он.

– Нет, – угрюмо ответил уже Сергей Иванович. – Никаких следов.

– Ага... – Петю переполняли впечатления, пережитый страх тоже давал о себе знать, поэтому ему срочно, до щекотки под коленками захотелось рассказать о том, чему он стал свидетелем.

– Они, наверное, в зеленые мхи попали. Я тоже в них побывал, еле выбрался.

– Что за место? – подобрались спасатели. Остроухая псина насторожилась.

«Настоящий профессионал», – подумалось Пете. Крупные собаки всегда были его слабостью.

– Место, где растет зеленый мох, – начал объяснять он, с ужасом понимая, что ему не поверят. Слишком уж фантастическая история с ним приключилась. – Находится где-то там, – неопределенно повел он рукой. – Может быть, метрах в пяти. Там еще растут квадратные березы и гигантские папоротники...

Подумал и добавил:

– Да и сам мох больше, чем по пояс. И голоса слышатся, тени какие-то бродят.

Все молчали. Петя и сам бы многозначительно молчал, услышав такое, поэтому людей он хорошо понимал.

– Бред, – наконец-то выразился «ежик».

– Бред, но доля смысла в нем присутствует, – не согласился другой спасатель. – А иначе как объяснить исчезновение туристов? Да и одежда эта... Я бы понял, если бы они отправились гулять без рюкзаков, но без одежды вряд ли. Так что – не знаю.

– Инопланетяне их похитили, – внезапно выдал мужик, тот самый, который утром сопел над плечом Пети. Фраза звучала до того абсурдно, что никто не нашел, что возразить. Ободренный молчанием, мужик понесся дальше:

– А что, разве неправда? Ученые докопались, город у них тута был пять тыщ лет назад. «Гнездо у них здесь», – пробормотал Петя.

– Пожили они и улетели. Чего уж им не понравилось, непонятно, только до сих пор сюда с визитами шастают, людей на опыты забирают.

При слове «опыты» Петино подсознание опять выдало картинку, на этот раз совершенно непотребную. Почти воочию Петя увидел огромный анальный зонд. Судя по виду, зонд еще не отмыли от предыдущего опыта. Медленно и зловеще эта огромная дура приближалась к визжащему страдальцу, в котором легко угадывался известный голливудский актер. Того, кто держал ее в руках, видно не было, но не вызывало сомнения, что на морде – лице? – этого существа играло садистское выражение. Вслед за картинкой всплыло название: «Контакт». «Дурацкий фильм», – Петя постарался поскорее выкинуть картинку из головы. Если бы во рту не стояла вселенская сушь, он бы сплюнул.

– Мужик, ты чего несешь? – отмер один из спасателей.

– Вру, думаешь? – обиделся тот. – В газете все прописано, черным по белому. Да не абы кто писал, а профессор, уважаемый человек!

– В какой такой газете?

– «Спид-инфо», – гордо отвечивал мужик.

– Тьфу ты! – Все тот же спасатель от души сплюнул. – Начитаются хрени всякой, и инопланетяне у них сразу летают. Места здесь, конечно, глючные, геологический разлом, не хухры-мухры, но не до такой же степени. Еще вампиров вспомни!

– А и вспомню! – загорячился мужик.

«Вампиры... плохое самочувствие... белый дым...» Мысль дурацкая, но интересная. Петя обещал себе додумать ее позднее, сейчас же элементарно не хватало сил.

Готовый вспыхнуть спор задушил командир спасателей.

– Хорош базарить, – прикрикнул он. – Пострадавшего домой, а остальные продолжают искать. Еще светло, так что время у нас есть.

Петя машинально глянул на солнце. Оно рубило листву рыжими пластами света, заметно склоняясь к западу. «Хренасе погулял», – удивился он, но удивился вяло, скорее по привычке – организм устал реагировать на потрясения и сказал громкое «фи». Народ как-то незаметно рассосался. Рядом переминался с ноги на ногу только давешний мужик, любитель «Спид-инфо». Его, как самого умного, отрядили проводить Петю до дома. Во избежание, так сказать, – чтобы снова не потерялся. Мужик не просто переминался, он не забывал нервно оглядываться по сторонам, видать, история с зеленым мхом запала ему в самую душу.

– Пошли, – вздохнул Петя, тяжело поднимаясь на ноги.

До деревни рукой подать: всего лишь шесть километров. Для сельского жителя подобные переходы не являются чем-то из ряда вон выходящим, особенно если он живет в маленькой деревушке среди лесов, вплотную примыкающих к заповеднику.

Конечно, Владимирская область не Сибирь, но своя непроходимая тайга там есть. Когда-то она тянулась на сотни километров: болота перемежались мрачными ельниками, светлые лиственные леса взбегали вверх, к продуваемому всеми ветрами сосновому простору и снова

опускались, чтобы сойти на нет в топких низинах. Так было, пока, как всегда, не вмешался человек. Сейчас это всего лишь часть бывшего великолепия, но и то, что осталось, производит впечатление, а главное, требует серьезного к себе отношения. Беспечным горожанам нечего делать во владимирской тайге. Им хватит и веселого подмосковного леса, где самой большой опасностью является гадюка под кустом или голодный клещ.

В тайге же, пусть и растерявшей свою языческую мощь, нужно вести себя осторожно, если не хочешь утонуть в болоте или просидеть на дереве долгие часы в ожидании, когда уйдет разъяренный кабан. Здесь нет гуляющих старушек, готовых словоохотливо указать дорогу, нет и слугителей, отвечающих за поведение вверенных им зверей, впрочем, как и решеток, за которыми оные звери находятся.

Тайга не обладает сознанием, но является существом, равным человеку по силе. Тайга живет, дышит, грезит о чем-то своем. Люди, живущие с ней бок о бок, постепенно пропитываются исходящими от нее волнами. Они начинают жить по лесным законам, хотя полностью разделить с тайгой ее грезы, стать их частью не получится никогда. Причина тому – разум. Мы получили в дар божью искру, а лес боится огня. Наверное, именно поэтому законы, по которым жить миру, устанавливает человек. Ума бы нам, правда, побольше.

Но лес все равно могуч. За примером далеко ходить не надо. Еще не так давно, каких-то семьдесят-восемьдесят лет назад, через Владимирскую область проходила дорога. Хорошая дорога, оживленная. По ее окоему множились деревни с каменными церквями, множились, как грибы после дождя, монастыри, а уж постоялых дворов и вовсе немеряно было. Где все они теперь? Стоило перестать пользоваться дорогой, как признаки цивилизации исчезли, округу заполонил лес, и только изредка в чащобе можно наткнуться на почти целую церковь, ну или монастырь.

Пока шли до дому, мужик, не переставая, трендел об инопланетянах. У Пети создалось впечатление, что тот лично побывал у них на корабле и давал советы при строительстве инопланетянского города. Очень хотелось стукнуть зануду по голове, но Петя с детства отличался миролюбивым характером и драки не приветствовал. Слабость, поселившаяся в ногах после приключения, тоже не способствовала решению конфликта силовым путем. Приходилось терпеть, отделяваясь невнятными «да», «ну надо же», «ни за что бы не поверил». В общем, когда показалась родная деревня, Петя вздохнул с облегчением.

Глава шестая

Дома Петю встретили картофельные оладьи с грибной подливой и сторающая от любопытства мать. Справедливо полагая, что приключение скрыть все равно не удастся, он подробно рассказал о своих блужданиях в зеленых мхах. Мать ахала и всплескивала руками. Страх за сына она не испытывала – Петя предусмотрительно представил все в юмористическом виде. Этаким случившийся с ним дурацкий анекдот.

Когда в Петю перестали влезать оладьи, появился усталый Федор. Его радушно пригласили к столу. Тот отказываться не стал, охотно принял дымящуюся тарелку и энергично заработал ложкой. В кухне воцарилось молчание. Федор полностью отдался процессу приема пищи, Петя, сыто откинувшийся на спинку стула, за ним наблюдал. Потом мать подала чай. Пили его с конфетами и вишневым вареньем. Осторожно трогая губами обжигающе горячий напиток, Федя рассказал о том, что произошло после ухода Пети, хотя рассказывать было особо нечего. Походили. Покричали. В ответ тишина и никаких следов.

– Завтра снова надо идти, – закончил он. – Еще обещали прислать вертолет и побольше спасателей.

– Дело, – оживился Петя. – Я тоже пойду. Все равно завтра выходной.

После чая решили отправиться к Арменичу. День был слишком насыщен событиями, их хотелось обсуждать, а не переваривать в одиночку в скрипучей темноте дома. Да и сто грамм бы не помешало. Для успокоения нервной системы.

Шотик Арменович как будто чувствовал приближение гостей. Он уже ждал их за накрытым столом, где среди жаренной с луком картошки и домашних солений взблескивала запотевшая бутылка с самогоном. Самогон у Арменича получался знатный. Заморский виски рядом с ним казался дешевым пойлом. Этот самогон хотелось пить маленькими глоточками, оценивая букет, закатывая глаза и причмокивая. Рецепт благородного напитка старик хранил в строжайшей тайне, ни для кого не делая исключений. Правда, однажды, будучи в хорошем расположении духа, он обещал передать его Пете, но лишь на смертном одре. Пете любопытно было узнать секрет, однако старика он любил и рассчитывал, что тот еще задержится на этом свете.

– Я не пью, – быстро предупредил Федор, со страхом глядя на почти трехлитровую емкость.

– Я тоже, – успокоил его Петя. Он выставил на стол банку маринованных маслят еще прошлогоднего сбора. – Посидим, поговорим, ну, может, по стопочке выпьем, чтоб не на сухую.

Расселись. Федор было выбрал стул у холодильника, но Шотик Арменович его шуганул – стул с мягкой спинкой находился в стратегически удобном во всех отношениях месте, и право его занимать имел только хозяин. Федор этого не знал, поэтому бестактность и совершил.

– Мне чуть-чуть, – попросил он, ерзая на предоставленной табуретке.

– А никто тебе много и не нальет, – парировал Арменич, наливая по полной. Наливал он профессионально: быстро и ровно.

Выпили молча, без тостов.

– Хорош зараза, – выдохнул Петя. Многоградусная жидкость колючим шариком прокатилось по пищеводу. Судя по тому, как просветлело в голове, в кровь она всасывалась мгновенно. Резко захотелось соленья. Оттенить, так сказать.

Шотик Арменович правильно оценил его ищущий взгляд и пододвинул миску с квашеной капустой. Ее кусочки, порезанные длинно и тонко, одуряюще пахли рассолом с легким уксусным оттенком. Они лоснились от масла и дразнили аппетит выглядывающими то тут, то там яркими квадратиками моркови и красного сладкого перца.

Согласно распространенному мнению, между первой и второй – промежуток небольшой. В корне неверное утверждение. Те, кто его проповедуют, ценят пошлый градус и не знают

истинной радости застолья. Подстолье и алкоголизм – вот их удел. Великий князь Владимир однажды сказал, что «питие есть веселие Руси». Конечно, пить надо меньше, но если уж такая оказия случилась, почему пить надо грустно? Застолье – сама по себе вещь веселая и не только. Она еще самодостаточная. В нем органично сливаются желание выпить и желание пообщаться, пусть и на тему «ты меня уважаешь?».

Если одно из них перевешивает, это что угодно – пьянка, клуб по интересам, но не застолье. Хотя, если честно, князь вряд ли сказал бы то, что сказал, если бы знал, что его слова станут обвинением всему русскому народу в алкоголизме, проверенном временем и лечению не поддающемуся. Этот князь – и великий князь, что бы о нем ни говорили потомки, ибо великий человек всегда неоднозначен, – всего лишь неосторожно высказался. Возможно, он любил веселые застолья. Грузины, например, до сих пор их любят. А норманны? Если убрать героическую (и романтическую) составляющую их рая, то получится вечный пир с последующим мордобоем, тоже вечным. Вот где кошмар! Но почему-то потомков викингов алкоголиками не считают, хотя пьют они – не дай бог никому.

Князь Владимир ухитрился не только пировать, но и заниматься государственными делами, чем и прославился. Отсюда вывод: питие есть веселие Руси, и, ради бога, не нужно создавать из этого философскую концепцию о преемственности времен, то есть наследственном алкоголизме нации. Сейчас пьют совершенно по другому поводу: низкий уровень жизни, невозможность провести досуг более культурно, по крайней мере для большинства. Сейчас часто вспоминают Советский Союз, но, если отбросить ностальгию, некоторые идеи, появившиеся в то время, вполне можно использовать во времени настоящем. Например, доступность высшего образования, бесплатные кружки по интересам, социальная защищенность.

За Петей, чья юность прошла в дикие девяностые, наверное, присматривал компетентный ангел-хранитель. Половина его сверстников во второй половине жизни стали алкоголиками со всеми вытекающими: тухлыми мозгами и отсутствием желаний. Хотя нет, одно желание у них все-таки было: иметь выпивку каждый день. Его же эта беда обошла стороной. Став старше, от спиртного он начал отказываться сознательно, делая скидку на гулянки с хорошими друзьями, что происходило не так уж часто. Спитые лица некоторых старых знакомых вызывали у Пети брезгливую жалость, его даже посещал страх, что он вполне мог оказаться на их месте. Встречая таких знакомых, он каждый раз убеждался, что поступает правильно.

Пока все хрустели тем, что приглянулось, Петя рассказал Арменychу о событиях сегодняшнего дня. Излагал он сухо, не отвлекаясь на эмоции и оценки.

– Что говорит по этому поводу твой Оккам? – закончив, поинтересовался он у Арменychа. Поинтересовался не без затаенного торжества. Он уже вызнал, что таинственная бритва, кромсающая окружающий мир, сужая его до скучных и сухих явлений, всего лишь принцип, сформулированный средневековым монахом и гласящий, что «не следует множить сущее без необходимости». Умом он этот принцип понимал и даже одобрял, но скучал при этом безмерно. Вот не хватало ему в жизни этакой чертовщинки. Наверное, виновата прабабушка. Это она рассказывала маленькому Пете сказки, где ведьма летала на помеле, черт рассыпался поутру искрами, а за печкой жил домовый. Взрослый Петя в них не верил, но он и не подозревал, что, исчезни они из его подсознания, жить ему станет гораздо скучнее. Взоет он от своей размеренной жизни с новым телевизором, обстановкой и стиральной машиной.

– Молчит, – развел руками тот и добавил: – Надо думать.

Пока думали, распили по второй. Петя искоса глянул на Федора. Тот азартно ловил в миске скользкие маслята и выглядел вполне довольным жизнью. На его лице играл румянец, который мог быть вызван как алкоголем, так и свежим деревенским воздухом.

– Может, ты заснул, и тебе все привиделось? – с надеждой спросил Арменych.

– Нет, – отмел его инсинуации Петя. – Ночью я, конечно, спал так себе, но ведь это не повод засыпать в лесу, да еще в разгар поисков.

Старик расстроился:

– Жаль, богатая версия. Во сне все что угодно привидеться может.

– Ну извини, – развел руками Петя.

– А таблеточки?

– Я тебе что, наркоман? – возмутился Петя.

– Я ж про другое! – заторопился Арменыч. – Мало ли, голова заболела. Ам таблеточку.

И не ту. Перепутал, со всеми бывает.

– Скажешь тоже, – обиделся Петя. – Тебя послушать, так у нас дома склад сильнодействующих лекарств, причем россыпью.

– Болотные испарения? Галлюциногенные? – задумчиво протянул Арменыч.

Тут Петино терпение окончательно лопнуло.

– Более реальные версии есть? – осведомился он.

– Нет, – вздохнул Арменыч и машинально разлил по третьей.

Выпили, закусили, помолчали.

– Ничего я не понимаю, – признался Арменыч. – Одно могу сказать: чудес не бывает. Все и всегда можно объяснить, а если нельзя, то просто наука до этого еще не дошла. Туристы эти... Возможно, обычный криминал, но почему тогда ценные вещи на месте?.. Ничего не понимаю, – повторил он.

– Оп-пера приедут. Завтра. Сегодня машина сломалась, – вклинился в разговор Федор. Судя по рубленным фразам и невнятному выговору, самогон Шотика Арменовича произвел на него неизгладимое впечатление. Уже с третьей рюмки.

– У-у, Сатурну больше не наливать, – озабоченно посмотрел на него Петя. – Отсутствие практики – страшная сила.

Парень услышал и очень обиделся.

– Наливай! – махнул он рукой и едва не навернулся с табуретки. Глаза у него были пьяные-пьяные.

– Тебе уже хватит.

– Ну и ладно, – проворчал Федор.

Сам собой разговор свернул на природу непознанного и отношение к этому непознанному человека. Шотик Арменович был великолепен. Блистая эрудицией и ораторским искусством, он доказывал, что тайна есть всего лишь нерешенная задача и что самое чистое удивление и радость ждут человека только на пути познания. В процессе, так сказать.

Петя не соглашался. По его мнению, такое понятие, как «тайна», имело право на существование. Она должна вызывать сладкое томление и трепет, дрожать в далеком мареве и будоражить воображение. Тайна и ее открытие – разные вещи, и смешивать их не следует.

Петина эрудиция оказалась слабее, чем у Арменыча, а уж про доказательную базу и говорить не приходилось, поэтому в качестве аргументов он использовал эпитеты «гребаный романтик» и «пошлый прагматик», чем себе несколько противоречил.

Федор тоже попытался поучаствовать, но на него не обратили внимания. Наверное, он имел что сказать, но заплетающийся язык сослужил парню дурную службу, сделав его речь малопонятной для собравшегося общества. В конце концов он мирно задремал, уронив голову на скрещенные руки.

Когда банка опустела на две трети, а доводы спорщиков иссякли, Шотик Арменович заявил, что желает любоваться луной.

– Из небесной дали она смотрит на мою прекрасную Грузию, – воздел он руку. – Я буду любоваться ею и вспоминать родину.

– Вах, – уважительно сказал Петя и упал. Табуретка с грохотом отлетела в сторону. Впрочем, Петя не расстроился и, не вставая с пола, затыкнул:

– Где же ты, моя Сулико?!

– Не ушибся? – Арменыч помог ему встать и вывел: – Долго я томился и страдал!

– Где же ты, моя Сулико?! – грянули они хором.

Пелось хорошо, душевно. Отсутствие слуха и незнание большей части текста совершенно не мешало. Малину испортили соседи. Эти черствые люди, глухие к лучшим порывам души, начали стучать в стены и требовать тишины.

– Пшли смотреть на луну, – решительно потянул Петя Арменыча. – Нас здесь не понимают.

– Пшли, – согласился старик, и, обнявшись, они вышли во двор.

Луна действительно была прекрасна. Желтая, словно вызревший сыр, она почти не затмевала звезд, лишь подчеркивая бархатную черноту ночи.

Шотик Арменович плюхнулся на скрипнувшую скамейку и откинулся на стену дома. Лицо он подставил небу.

– Хорошо!

– Хорошо, – выказал солидарность Петя. В голове у него бродил хмель, а луны на небе почему-то оказалось две. – На какую из них будем смотреть?

– Ты на правую, я на левую, – вопрос не вызвал у Арменыча удивления. Судя по всему, он тоже видел спутницу Земли в двойном количестве.

Несколько минут они старательно тарачились на два янтарных полудиска в обрамлении переливающихся звезд.

– Что-то мне нехорошо, – пробормотал Петя. Мир вокруг него начал выплясывать тарантеллу, от чего желудок сжимался и норовил спрятаться в горле.

– А ты поблуй, – гостеприимно предложил Шотик Арменович, кивком указывая на роскошную клумбу Катерины Павловны.

Петя, конечно, напился, но не настолько, чтобы потерять инстинкт самосохранения. Катерина Павловна в гневе была страшна, да и нехорошо блевать в соседские клумбы. Невоспитанно.

Губы не слушались. Кое-как он выговорил:

– Не, я лучше домой, баиньки.

– Дойдешь?

– Должен.

И он действительно дошел.

Глава седьмая

Второй день поисков результатов не дал. Он вообще не задался с самого начала. Опера со сломанной машиной свой транспорт починили, но теперь застряли в грязи. Злые, они сидели в колее где-то за пятьдесят километров от Вышелеса и сообщали, что ранее завтрашнего утра их можно не ждать.

Для полноты ощущений пошел дождь. Его серая завеса накрыла лес, и чувствовалось, что она здесь надолго. До вечера так точно. Сразу стало мокро и холодно. Настырные дождевые капли срывались с листьев, собирались в лужицы и капитально пропитывали лесную подстилку. Всюду был дождь, дождь и ничего, кроме дождя. Ну, разве еще матерок мужиков и дым от сигарет. Во влажном воздухе тот вонял особенно мерзко. Вездесущая влага размывала даже страх перед зелеными мхами, вызвавшими в прошлый раз такой фурор.

А еще Петю мучило похмелье. Самогон Шотика Арменовича обладал редким свойством не вызывать абстинентного синдрома, но вчера, прямо сказать, они переупотребили. Теперь Петя мрачно месил болотную жижу, мечтая о том моменте, когда окажется в сухом тепле дома и припадет к кружке с горячим чаем. Метод «клин клином» он не признавал и никогда не похмелялся.

Рядом бодро чавкал сапогами Федор. К Петинуму удивлению, в лесу парень держался уверенно. От его недавней застенчивости не осталось и следа. В нем даже чувствовалась некая покровительственность, словно он был матерым туристом, а Петя – новичком, впервые попавшим на маршрут. Видать, удивление было написано на лице Пети крупными буквами, потому что Федор поспешил объяснить:

– Ты чего думаешь, я в первый раз в лесу? Знаешь, сколько я по бывшему Союзу походил? Тебе и не снилось!.. Осторожно! – осекся он. Петя как раз ощупывал слеглой мох впереди себя и уже готовился шагнуть на его чуть пружинящую поверхность. – Слой здесь тонкий, провалишься.

– Ты откуда знаешь? – удивился Петя.

Парень пожал плечами:

– Чувствую.

Все заканчивается, закончился и этот бесконечный день. Обратно в деревню шли толпой. Разговаривать никому не хотелось – прочесывание мокрого насквозь леса вымотало народ до предела, к тому же некоторые искупались в болоте. И не по разу. Слава богу, хоть погода немного исправилась. По холодному небу быстро двигались гряды облаков, расцвеченные закатными красками. Ценитель прекрасного сказал бы, что краски эти чудесны, но таких ценителей среди мужиков не было. Все просто торопились добраться до дому.

Вот и тополиная аллея, высаженная в незапамятные времена строительства социализма. Последний рывок перед таким желанным отдыхом. Однако с отдыхом пришлось повременить. Стволы деревьев тонули в сумерках, из них и появилось Непредвиденное Событие. Оно, это Событие, имело облик совсем юной девушки. Не по погоде одетая в нечто струящееся и длинное, она словно выплыла из-за поворота.

Настоящая красавица, обалдело оценил Петя, взирая на приближающееся чудо. Обалдеть было от чего: огромные прозрачные глаза, прямой носик, светлые волосы, тремя потоками стекающие на спину и плечи, да еще этот наряд, почти не скрывающий точеной фигуры. Мужики тоже оценили небесное видение. «Тебя проводить, краля? Ух ты, какая!» – раздались восхищенные выкрики. Впрочем, ничего фривольного в них не наблюдалось. Народ в деревне все-таки с понятием. Вопрос, что девушка делает в таком виде в это время, почему-то ни у кого не возник.

Поравнявшись с мужиками, девушка остановилась. Улыбнулась. И бросилась на шею Федору. Она обвила парня руками и спрятала голову у него на груди. По крайней мере, судя по восторженному свисту, так показалось остальным.

– Ты чего? – пробормотал парень, попятившись. Из-за неожиданности ее поступка, своего счастья он оценить не успел.

Объятия длились всего несколько секунд. Внезапно девушка отпрянула и зашипела, как разъяренная кошка. Затем сгорбилась и медленно повернула голову. Из-под пухлых губ блеснули клыки, в глазах зажегся красный огонь. Она все так же улыбалась, но никто сейчас не назвал бы это существо дивной красавицей.

Метаморфоза оказалась настолько неожиданна, что у мужиков отвисли челюсти. Бежать? Какое, они и с места двинуться не могли. Тварь могла брать их тепленькими, такое на них накатило остолбенение. К счастью, она имела другие намерения. Прошипев явно что-то нецензурное, существо неуловимым движением оказалось в пяти метрах от застывшей группы, а затем и вовсе растворилось в сумерках.

– Охренеть, – выразил общее впечатление один из мужиков.

– А чего Это нас не съело? – дрожащим голосом поинтересовался другой.

– Млять! Догони и узнай! Валить отсюда надо!

Мысль показалась всем необычайно разумной, и они, топая как стадо слонов, понеслись по аллее. Выскочив из аллеи, притормозили. Перед ними лежало бывшее совхозное поле, чье открытое пространство дарило безопасность, пусть мнимую, но тем не менее безопасность. Аллея же позади выглядела сгустком жути. Мужики смотрели на нее с каким-то болезненным интересом. Еще бы, такая метаморфоза: из безобидной дороги, обсаженной тополями – в аттракцион монстров.

– Ни за что бы туда не вернулся, – передернул плечами Петя.

Ответом ему было молчаливое согласие.

– Что делать-то будем?

Вопрос задал Ваняша, толстый мужик с лицом античного бога. Откуда у него взялось такое лицо – неизвестно. Петя помнил его пацаном. С ним они еще ловили в низине жуков-плавунцов. Тогда Ваняша никак не проявлял признаков дородности. Об античных чертах тоже речи не шло.

Его поняли не сразу:

– Что?

– Эта... Народ бы предупредить надо.

– Ага. Встретили полуголую девку, она зашипела и убежала. Здорово получится.

– Не обязательно, – вступился за давнего приятеля Петя. – О зубастой девке рассказывать не будем, а поугатать – поугаедем. Иначе беды не оберешься. Сами подумайте: полезет такая страхолюдина в дом, и что?

Идея понравилась. После некоторых споров о деталях решили говорить следующее: шли в сумерках через аллею и напал на них непонятный человек. С топором. Чего напал? Сумасшедший. Силища – страшная, еле отбились. Некоторые, правда, настаивали на версии о волке, но кто-то из мужиков резонно возразил, что волк в дом не полезет, а страхолюдина так запросто. Пусть лучше будет сумасшедший с топором – народ только крепче на запоры закроется.

О том, что напало на них в сумерках аллеи, говорить никому не хотелось. Страхолюдина, тварь, монстр – этих слов было достаточно. Они облекали непонятное существо в оковы плоти, пусть страшноватой, и не давали психике утонуть в ужасе, от которого хочется визжать и бежать без оглядки. Хотя, если честно, по дороге они все-таки бежали. Петя даже про похмелье забыл, чувствуя себя как никогда бодро.

Деревня встретила их обычной вечерней тишиной. Треск мотоцикла на другом ее конце и взброд какой-то неугомонной собаки не в счет. Никакой беготни, суматохи, воплей, чего мужики подсознательно боялись.

Они переглянулись:

– Ну что, начинаем?

– Начинаем.

Первый дом получился комом. Мужики бекали, мекали и чувствовали себя крайне неловко. Однако искренняя тревога, сквозившая в лицах, исправила дело. Рассказ о сумасшедшем с топором открывший дверь дачник воспринял серьезно. Он сразу принялся загонять в дом детей. Те орали, сопротивлялись, в общем, создавали шумовую завесу. От этой завесы хотелось оказаться как можно дальше. Если бы сумасшедший существовал на самом деле, он бы сюда и не сунулся. Справившись с непослушными чадами, дачник принялся благодарить за заботу, перемежая поток благодарностей руганью в адрес родной милиции, которая и не защищает, и не бережет. Другими словами, не выполняет своих прямых обязанностей.

– Кстати, о милиции, – раскрыл рот молчавший доселе мужичок, когда дверь за дачником захлопнулась. Петя этого деятеля жуть как не любил. И не он один. Таким непопулярным его делали склочный характер и привычка постоянно материться не к месту. Да и мат у него был какой-то сальный, коробивший даже привычных ко всему сельских жителей, которые тоже, прямо скажем, академиев не кончали. Сейчас же мужичок, а звали его Миха, выражался культурно. Видимо, от шока. – Туда тоже сообщить надо.

– Тоже о мужике с топором?

– Ага.

– Пряма-таки они его ловить будут. Ладно, до Зойкиного оврага дойдем и позвоним. Здесь вообще связь не берет.

До оврага добрались быстро. Говорили теперь складно, не мямлили. Петя прямо сам поверил в напавшего на них сумасшедшего.

– А чего овраг-то Зойкин? – вполголоса поинтересовался Федор, пока мужики хором уговаривали глухую бабку Аграфену побережся.

– Да коза однажды туда свалилась. Зойка. С тех пор овраг стал Зойкиным.

На лице Федора легко читалось разочарование.

Закончив дело, все заторопились по домам. Петя сначала тоже рванул по направлению к родной избе, но по зрелом размышлении решил сделать крюк: еще раз зайти к Арменычу. Вдруг удастся уговорить того переночевать у Пети? Парень за него боялся: одинокий, беспечный – мало ли что? А так все вместе, и душа не болит, как он там. Арменыч был не только беспечным, но и упрямым, поэтому, шагая к подъезду с крашеной деревянной дверью, Петя готовил убедительную речь. К его удивлению, Арменыч сопротивляться не стал. Он споро собрал необходимое, и спустя короткое время они оказались в избе.

Повечеряли молча. Мать было попыталась растрясти Петю на красочные подробности о нападении маньяка с топором, но он устало ее перебил:

– Мать, давай потом, а? Устал я, сил нет.

Врать ему надоело до чертиков, пусть даже и во благо. Еще мучил стыд перед Арменычем, но тут уж ничего не попишешь: тот бы точно не поверил в страхолюдину и остался дома. Мог и дверь не запереть, с него станется. Слава богу, мать сразу отстала – Петя действительно выглядел неважно.

– Хорошо, Петенька.

Тяжелый день, усугубленный похмельем, и сытный ужин манили упасть в постель. Чувство ответственности возражало. В конце концов оно – правда, с небольшим отрывом по очкам – победило. Завистливо глянув на Федора с Арменычем: те уже раздевались, готовые броситься в гостеприимные объятия раскладушки и дивана – Арменычу как старому человеку и гостю в

одном лице выделили диван в горнице; мать себя старой не считала, поэтому полезла на печь, – Петя побрел проверять запоры. Марс увязался за ним – охранять и вообще поучаствовать. В принципе, ничего этого делать было и не нужно, но порядок есть порядок: перед сном принято дозором обойти дом.

Задняя дверь, выходящая на огороды, хвасталась новым ригельным замком. Петя с удовольствием огладил его серебристую поверхность и дернул ручку. Дверь, сбита из толстых досок, даже не шелохнулась. Заперто. Калитка и передняя дверь тоже не обманули ожиданий.

– Ну что, морда, спать?

Марс согласно дернул ухом: слышу, мол, хозяин. Все его внимание занимала блоха, коварно засевавшая в основании хвоста с роскошным рыжим очесом.

Сон оказался не менее коварен. Не успел Петя забраться под одеяло, как он улетучился, забрав с собой усталость. Голова стала ясная-ясная, свежая-свежая, хоть и не ложись. Однако Петя лег и честно попытался приманить сон обратно. Он пил воду, взбивал подушки, считал баранов... Тщетно.

«Почитать, что ли?» Он обернулся и задумчиво посмотрел на шкаф у дальней стены своего закутка. Сероватый свет из окна, разбавлявший темноту, позволял разглядеть ряды книг на полках. Они манили, но как-то вяло. «Или не читать?» Его сомнения разрешились самым действенным способом: в дверь постучали. Постучали осторожно, деликатно, как и полагается стучать в это время суток. Нет, конечно, наносить визиты людям в это время суток все равно неприлично, и даже очень неприлично, но, видать, кому-то приспичило.

– Кому там не спится? – вслух удивился Петя. Остальные сонно заворочались. Федор даже поднял с подушки растрепанную голову.

– Петька, открывай! – отозвался звонкий молодой голос.

– М-мителька? – одними губами прошептал Петя.

Марс рычал, прижавшись боком к коленям хозяина. Его обычно плотно прилегающая шерсть встала дыбом, отчего пес начал походить на лохматый и очень злой шар. Только искры не летели. Петя и не подозревал, сколько ярости таится в этой обычно спокойной собаке.

– Митенька! – Мать мгновенно оказалась у двери, она рвала замок, стремясь как можно скорее оказаться снаружи. Ее нетерпение только замедляло дело, что позволило Пете несколько прийти в себя. Одним движением он оторвал мать от замка и, крепко держа женщину, крикнул в сторону двери:

– Пошел вон!

Затем он развернул мать к себе, обнял и посмотрел в глаза. Говорить он при этом старался как можно убедительнее:

– Мама, не надо. Что бы там ни было, это не Димка. Наш Димка уже больше двадцати лет как мертв.

Женщина обмякла. Она больше не рвалась к двери, лишь мелко дрожала и всхлипывала. «Лучше бы в обморок упала, – мелькнуло в голове у Пети. – Было бы легче. Сказал бы, что Митькин голос ей привиделся».

А молодой голос не унимался, в нем уже звучали обида и недоумение.

– Мама, мама, открой же, мне холодно. Открой, мама.

Тут Петя окончательно потерял голову.

– Да пошел ты к черту!

Теперь уже он подлетел к двери и начал рвать на себя непослушный замок. Он хотел разорвать, растоптать то, что посмело взять себе имя мертвого человека и напомнить матери прошлое горе. От опрометчивого действия его удержали чьи-то руки. Руки принадлежали Федору. Парень изо всех сил вцепился в Петю и, несмотря на сопротивление последнего, оттащил того от двери.

– Успокоился? – осведомился он, когда Петя прекратил вырываться.

– Да, отпусти, – проворчал тот, все еще тяжело дыша.

– Мама, открой, мама! Петька, я тебе велосипед принес. Помнишь, обещал? Открывай давай!

Сумасшествие продолжалось еще минут пятнадцать. Они вчетвером стояли в освещенных тусклым светом семидесятипятисвечевой лампочки сеньях и слушали. Мягко говоря, всем было сильно не по себе. Наконец человек замолчал, затопали по ступеням шаги и наступила тишина. Ее нарушил Федор.

– Пошли в комнату, – сказал он. – На сегодня, думаю, концерт окончен.

Слова парня возымели волшебное действие.

Деревня ожила. Она кричала, и страх звучал в ее крике. В нем смешались голоса людей, собачий лай и даже выстрелы. Проверять, что там творится, Пете совершенно не хотелось – его больше беспокоила мать. На шум она не отреагировала, просто смотрела прямо перед собой и молчала. Ее серые глаза, обычно яркие, сделались тусклыми. Ничего не осталось от той живой и любопытной кумушки, любительницы сплетен и происшествий.

– В горницу! – скомандовал он и повернулся, чтобы взять женщину под руку. Однако опоздал – около матери уже суетился Арменych.

– Мария Семеновна, – ворковал тот. – Пойдемте, пойдемте. Вам непременно нужно полежать.

Та оперлась на руку старика и, автоматически переставляя ноги, поплелась в горницу. Следом за ними туда потянулись остальные. Процессию завершал Марс. Он больше не походил на стукнутого электричеством колобка, и лишь на загривке шерсть еще непокорно топорщилась. Пес непрестанно оглядывался и порывался.

Следующий час прошел в хлопотах вокруг Марии Семеновны. Петя даже порывался бежать к фельдшернице тетке Светлане, но многомудрый Арменych, переживший смутные времена в Тбилиси, его остановил.

– Зачем нам Светлана? – сказал он. – У нее сейчас и без нас хлопот будет полон рот. Сейчас капелек успокоительных попьем, снотворное примем и утром будем как новенькие. Главное, чтобы давление не скакнуло. Голова не болит? – заботливо наклонился он над Марией Семеновной.

В ответ та прикрыла глаза.

– Тонометр есть?

– Где-то был. – Петя вспомнил, что видел аппарат в верхнем ящике комода.

– Тащи, – распорядился Арменych.

Давление оказалось лишь слегка выше нормы. Старик обрадовался.

– Вот и ладухки. Ей сейчас главное – поспать, – шепотом поделился он с Петей.

– Поспишь тут, – проворчал парень, косясь на окна – шум за ними стихать и не думал.

– Уснет, – уверенно пообещал Арменych.

Так и получилось. Не прошло и десяти минут, как женщина сначала засопела, а потом даже начала похрапывать.

– Так, теперь кто-нибудь объяснит мне, что это за явление Христа народу? – Шотик Арменович был настроен воинственно.

Петя устало потер лоб:

– По всему выходит, что приходил мой брат. Чего быть в принципе не может. Умер Митька, утонул. – Он помолчал и добавил: – Голос его я хорошо помню. И велосипед мне ко дню рождения он обещал купить... Не успел.

– Пошутил кто?

– И кому придет в голову так шутить?

– Ну... хулиганам. – Шотик Арменович сам понимал, что несет чушь, но сдаваться сразу ему не хотелось. – М-да, хорошо, что все мои могилы далеко остались. А то придет вот такое нечто, что хошь, то и делай, – добавил он. Убежденным он все равно не выглядел.

В дверь снова постучали, но теперь стук был нахальным, даже нервным.

– Опять... – простонал Федор.

Марс встрепенулся и стрелой полетел к двери. Проявлять признаков агрессии он не спешил.

– Свои, – успокоил всех Петя.

Оттенки Марсова поведения он различал прекрасно – стучал кто-то из соседей, причем соседей ближайших.

– Главное, чтобы они живые были, – проворчал он больше для порядку и пошел открывать.

В проеме калитки стоял Степаныч. В трусах и с охотничьим ружьем в руках зрелище он представлял феерическое.

Петя сразу же задумался: как Митька мог стучать в дверь дома, когда калитка тоже заперта? Никакого лаза во двор или отошедших досок в их хозяйстве не наблюдалось. Это он знал совершенно точно, можно и не проверять. Если только проход не сделали совсем недавно. «Утром как следует проверю», – решил парень. Не нравилось ему такое положение вещей, ой не нравилось!

– Все живы? – осведомился старик.

– Все, все, – успокоил его Арменыч. – К вам тоже покойники в гости приходили?

– Анька моя приходила, – угрюмо сообщил он, – только я ее из ружья угостил. Солью.

– Вы так не любили свою жену?

– Покойник в земле лежать должен, – отрубил Степаныч. – Значит, не она это.

Арменыч не ответил, он прислушивался к шуму за окном. Тот и не думал прекращаться, наоборот, становился сильнее. Окно то и дело перечеркивали лучи фонариков и расцветивали сполохи факелов.

– Пошли, проверим, как у остальных. Вдруг помощь нужна?

– Может, лучше в доме оборону зайдем? – предложил Петя. Федор согласно закивал головой.

– Знаешь, чем отличается деревня от города? – обернулся к нему Шотик Арменович. – Она честнее, хотя и пьют там без меры. В городе каждый сам за себя – убивать будут, никто не выйдет. Здесь же всегда на поддержку рассчитывать можно. Беда – вместе, радость – тоже вместе. Где еще найдут поинтересоваться здоровьем, если пару дней не встречали в магазине?

– Точно-точно, – ехидно поддакнул Петя. – С утра у магазина вечно толкуются радующиеся и скорбящие.

Единство желаний потрясающее: всем срочно надо опохмелиться.

Арменыч огрызнулся:

– Не деревенский ты. Я в Вышелесе всего два года живу, и то больше на местного похож.

Особенно внешне, пробормотал под нос Петя и поинтересовался:

– А ты знаешь пословицу: моя хата с краю, ничего не знаю? Жизненная фраза. В деревне придумана.

Выходить ему не хотелось.

– Так мы идем помогать? – Арменыч был настойчив.

– Блин, мертвого замучаешь! Идем, – нехотя согласился он. – Кого только с мамой оставить?

– Давайте я посижу, – вызвался Степаныч. – Все равно ноги болят. А сидя и с ружьем я ого-го!

– Здорово, – обрадовался Петя. – Мы тебя еще Марсом усилим. Марс, дома!

Марс фыркнул, но, будучи собакой дисциплинированной, к тому же немецких кровей, возражать не стал. Он улегся в стратегически выгодном месте горницы и тяжело вздохнул, покоряясь желанию хозяина. Петя тоже вздохнул и пробурчал:

– Ничего не происходит, ничего не происходит – доскучался, блин! Во дурак-то я был! Шас будет веселье. Такое веселье, что мало не покажется.

– Точно, – кивнул Арменych. Для человека преклонных лет слух он имел замечательный. – Мы идем, наконец? – поторопил он ребят и первым шагнул за порог.

Им ничего не оставалось делать, как последовать за ним.

Глава восьмая

За калиткой шумели. Это был не тот дневной деловитый шум, из которого складывается деревенская тишина, а шум другой – тревожный. Он накатывал на Петю рокотом голосов, хлопанием калиток и чьими-то визгливыми причитаниями. Почти во всех окнах горел свет.

– У вас в деревне всегда такая темнотища? – Федор споткнулся о брошенное в траве полено и шипел от боли.

– Всегда, – подтвердил Арменych и зачем-то уточнил: – Когда луны нет.

Он, в отличие от Федора, шагал уверенно, темнота его не смущала. Петя тащился сзади и ломал в пальцах сорванную на ходу метелку травы. Он чувствовал себя как во сне. Ходячие покойники и зубастые девки не могут быть настоящими. Вот не могут, и все! Они принадлежат миру с более подвижными законами природы. Там возможны вампиры, колдуны и всякие разные чудеса, о чем так убедительно рассказывают авторы фантастических романов и повестей. Петин же мир был беднее, но и прочнее. Его полотно сплеталось из дубовой прабабушкиной мебели, скрипа половиц под ногами, сонного утра, когда так не хочется встать, огуречных банок на конвейере и промасленной спецовки. Еще он походил на кусок янтаря. В нем существовало только сегодня, а завтра и вчера терялись в золотистом мареве. Ужасам там просто не остается места.

– Что случилось, мужики? – обратился к ближайшей группке Арменych.

Те возбужденно принялись объяснять. Из их объяснений, подкрепленных соответствующими выражениями, вырисовывалась такая картина: после того как пробило двенадцать, на деревню навалились покойники. Причем покойники свои, родные, которых отпели, похоронили и, как полагается, навещали по праздникам.

– ...К Галке Перфильевой муж стучался. Она до сих пор в истерике бьется...

– ...Дед мой в окно заглядывал, по стеклу скребся. Когти – во! Зубищи такие, что бревно зараз перекусит...

– ...Думал, сам помру, как тещу, позавчера похороненную, увидел. А она все в дом рвется, пусти, говорит, сынок, холодно...

– ...Морда белая, как творожная, глаза горят...

Кто уж там чего увидел, вопрос личного восприятия и боязни покойников. На самом деле мертвецы ничего плохого не творили, выглядели обычно и единственное, чего хотели – вернуться домой. А когда их не пустили, куда-то ушли: то ли на кладбище, то ли вообще растворились в воздухе. Это выяснили мужики, постояв, покурив и немного успокоившись. Однако по домам расходиться не спешили – элементарно страшно. Да и отбиваться, ежели что, проще сообща. Так они и продолжали стоять, курить и думать.

– ...А я вот кино смотрел... – начал кто-то.

– Значит, никто из вас дверь не открывал? – перебил говорившего Арменych. – Как вы думаете, вдруг есть такие, кто открыл?

Все переглянулись. На лицах, и до того беспокойных, начало проявляться напряжение.

– Надо проверить...

Проверять отправились всей компанией. По дороге к ним присоединился народ, и к первому тихому, без света, дому подошли уже настоящей толпой.

– Ну что, стучим?

– Стучим. – И один из мужиков, высокий усатый Вадик, забарабанил по доскам калитки.

– Что, звонок еще не изобрели? – укоризненно поинтересовался Арменych, нажимая кнопку звонка.

Дом продолжал оставаться все таким же тихим и темным.

– Эта... может, хозяева уехали куда? – с надеждой поинтересовался все тот же Вадик.

Петя внимательно на него посмотрел: очевидно, мужику тоже не хотелось верить в оживших покойников.

«Не один я такой». Мысль принесла облегчение. Мир вокруг вышел из режима «сон», переключившись в режим «реальность». Эта реальность принесла с собой страх. Тени сразу стали зловещими, а улица вытянула вверх свои дома и нависла над людьми. Запахи, звуки ощущались остро, как никогда. Единственным выходом было действовать.

– Хрен они уехали, – выступил он вперед. – Надо ломать дверь.

Надо так надо. Появление лидера, явно знающего больше других, заставило остальных шевелиться. Первой пала калитка, затем пришло время входной двери. Они сдались без боя. Здесь большое значение сыграло то, что стальные двери в деревне были редкостью. Серьезный заслон нужен против воров, но воровство в Вышелесе не процветало. Свои если и украдут, то по мелочи, а пришлые сразу окажутся на виду.

В сенях свет все-таки горел, правда, еле-еле, из горницы приглушенно вещал телевизор.

– Есть кто живой?

Тишина.

– Не слышат? – предположил кто-то.

– А вот сейчас мы и проверим, – отозвался Петя, делая шаг в горницу. Ему сразу же захотелось сделать два шага обратно и закрыть за собой дверь.

На полу возле дивана, располагающегося с правой стороны двери, на боку лежала старуха. Она не двигалась, и ее неподвижность наводила на самые неприятные подозрения.

– Тетя Капа? – Входить парню окончательно расхотелось.

Мимо него протиснулся Арменych. Он перевернул тело на спину и, присев на корточки, деловито пощупал пульс.

– Жива, но без сознания, – доложил он, с кряхтением встал и добавил: – Никаких повреждений не вижу.

– У Капы еще дочь, и сестра вчера погостить приехала, – подал голос Вадик.

– Ищем, – распорядился Петя. Он сам удивлялся, как хорошо у него получилось командовать. Судя по тому, как мужики ринулись выполнять распоряжение, они считали точно так же.

Сестра и дочь обнаружили у задней двери, ведущей на огород. Их можно было бы счесть спящими, только вот выбранное ими место ночлега совсем не располагало к подобному выводу. Из-за полуоткрытой двери сквозило холодком и запахом увядшей ботвы.

– Звездец, – выразил общее впечатление Вадик.

После того как женщин переместили на кровати, настал черед следующего дома. Потом еще одного. И еще. В общей сложности, жертвами поздних визитеров стало не менее пяти семей. Что они виноваты в случившемся, не сомневался никто. Открытые двери и еще звучащие в ушах голоса давно умерших родственников стали лучшими доказательствами. По крайней мере, для присутствующих.

С каждой находкой лица людей смурнели все больше и больше. Страх, недоумение, ярость являются питательной почвой для коллективного мышления, и когда эмоции перехлестнули через край, толпа переплавилась в единое существо со множеством рук, ног и глаз. Это существо желало знать, что происходит, а главное, кто в этом виноват. Единственным трезвым человеком – ну, кроме Пети, вечного наблюдателя и единоличника, и частично Федора – оставался Арменych. Петя не узнавал его: старик помолодел, посвежел, приобрел яркость взгляда. Он внимательно выслушал призывы хватать колья и идти на кладбище и предложил сначала снести всех пострадавших в одно место. «Мало ли что», – как он выразился.

Для перевозки бессознательных тел нашелся грузовичок. Авто явно помнило начало шестидесятых годов, но ломаться прямо здесь и сейчас не собиралось. Везти тела решили к тетке Светлане, местной фельдшерице.

Та пользовала страждущих в отсутствие скорой медицинской помощи. Конечно, многого она не могла – так, зашить рану, измерить давление, дать хороший совет «по медицинской части», но для глухой деревушки свой фельдшер уже был благом. Жила она одна в добротном доме. Не бедствовала, благодарные пациенты то и дело подкидывали ей дары сельского хозяйства, с достоинством ею принимаемые.

Пока бессознательных односельчан рядами укладывали на одеяла, для мягкости подстеленные сеном, тетка Светлана ходила меж их недвижимыми телами, вздыхала. Иногда она садилась на корточки, щупала пульс и слушала сердце.

– Значит, так, – вынесла она вердикт. – Прямо сейчас везти их в больницу не надо. Они просто спят. Но вот следы на шее мне не нравятся. Как будто шилом укололи два раза. Не понимаю, зачем.

– Кровососы? – боязливо спросил матерщинник Миха. – Теперь они тоже кровососами сделаются?

– Не верю я в кровососов, – отмахнулась тетка Светлана.

– А в оживших покойников? – коварно спросил Миха.

Светлана не нашлась что сказать, только рукой махнула, отворачиваясь.

Погост был темен и тих. Желтого лунного света хватало только на кресты, отчего казалось, что они плывут в воздухе, не имея под собой никакой опоры. Чуть далее вырисовывались очертания стелы, посвященной воинам Великой Отечественной войны. У ее основания угадывались овалы венков. В воздухе разливалась благостность, та самая благостность, делающая невозможным посещение кладбища в определенное время суток с определенными намерениями. Она словно являлась запрещающим знаком. Всякие некрофилы и готы не в счет. Появление агрессивной толпы, вооруженной лопатами, кольями и другими подобными им орудиями, выглядело настоящим вызовом, если не сказать святотатством.

– А чего я-то?

Вопрос задал Ваняша, тот самый товарищ с античными чертами лица. Сейчас, правда, они были замаскированы синяками. То ли сам постарался, то ли жена наставила. Он стоял над могилой с лопатой в руках. Весь его вид демонстрировал неуверенность.

– Ты самый сильный. Потом тебя, вон, Вовка сменит, – удачно нашелся кто-то, также не желающий копать, но умеющий перевалить дело на плечи другого.

Ваняша, вздохнул, покоряясь. Он пошире расставил ноги, примерился подкопать цветочницу... и бросил лопату.

– Не могу, – объяснил он. – Плохо это – покойников тревожить.

– Значит, им наш покой тревожить можно?

– Все равно не могу.

– Вань, хорош философию толкать. Копай давай. – Наташка, дебелая баба лет сорока пяти, даже в это время суток ухитрилась быть навеселе. В мужиках она ценила брутальность и решительность, граничащую с глупостью. Может быть, поэтому по жизни ей встречались исключительно могучие ханурики. Жизнь с ними была тяжела, разбегалась пара обычно со скандалом, но своему идеалу Наташка не изменяла. Всякий, подобными качествами не обладавший, записывался в ботаники.

Чем ей они насолили, сказать трудно, но ненавидела их Наташка люто.

Ваняша разозлился:

– Сама копай, раз такая умная.

– И покопаю, – захорохорилась она, не делая, однако, попытки взять в руки лопату. Вместо этого она попыталась найти поддержку у присутствующих:

– Во мужик-то пошел! Ничего не могут!

Присутствующие ее обращения не оценили. Им тоже ужасно не хотелось снимать дерн и вгрызаться в желтый песок, чтобы добраться до уже попорченного весенним подъемом вод гроба. Даты жизни и смерти, выбитые на кресте, свидетельствовали, что покойник, скорее всего, тоже окажется сильно несвежим. Хотя кто его знает! Гришка Матюхин – а лежал там именно он – всегда отличался редкостной везучестью. Если можно так выразиться в данной ситуации. К тому же умер он гораздо ранее назначенного природой срока.

– Непонятно мне, мужики, – задумчиво начал Арменych. – В Вышелес пришли покойники. Хорошо. То есть чего это я? Совсем нехорошо. Но дело-то в другом. Пришли, значит. Подебоширили, ушли. Соответственно, возникает вопрос: а куда ушли? Сюда, на погост? Где же тогда следы? Какие-никакие следы должны остаться. К тому же – еще один момент: орали они минут пятнадцать. Я не засекал, но где-то так. Поорали, затем как отрезало. Нечисто здесь что-то. Руку на отсечение даю.

– В засаде сидят? – предположил Ваняша.

Народ тут же заозирался, сжимая в руках колья и шанцевый инструмент. Лучи фонариков скакали по погосту, выхватывая то резную оградку, то памятник, а то и печальное лицо на фотографии. Легко представить, что буквально за соседней могилой за ними наблюдают полные злобы мертвые глаза. Именно злобы, потому что никакие другие эмоции не могут быть присущи существам, не сумевшим упокоиться в могиле. Самое обидное, что таким мертвяком мог оказаться ближайший родственник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.